

Русские

на Афоне

6+

Павел Троицкий

Русские на Афоне. XIX-XX век

«Автор»

2003

Троицкий П. В.

Русские на Афоне. XIX-XX век / П. В. Троицкий — «Автор»,
2003

Эта книга содержит малоизвестные факты из истории русского монашества на Афоне и продолжает темы, затронутые в книге «Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне» и является попыткой осмыслить жизнь русских монахов XIX—XX веков. Знание истории Афона необходимо не только православному исследователю и нынешнему русскому святогорцу, но и любому православному человеку. Афонские монахи могут получить представления о национальных отношениях на Афоне и не повторять ошибок своих предшественников.

© Троицкий П. В., 2003

© Автор, 2003

Содержание

Для чего написана эта книга	6
Киновия и идиоритм	16
Греко-русский вопрос	24
Дореволюционный период	24
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Павел Троицкий
Русские на Афоне. XIX-XX век

Русские на Афоне. 19-20 век.

Для чего написана эта книга

Вот корабль подплывает к арсане¹, и через минуту нога паломника ступает на афонскую землю. Трудно представить себе, что каких-нибудь 40 минут назад ты был в курортном городишке, где тянется нескончаемая служба человеческой плоти, своеобразная всенощная без начала и конца, где на одну туристическую душу приходится несколько столиков в ресторанах и несколько номеров в гостиницах. А теперь представьте себе, что тот же паломник, отдохнув немного на архондарике², вкусив трехсоставного традиционного афонского угощения из ракийки, холодной воды и лукума, прикладывается к величайшим святыням: к частице Животворящего Креста Господня, к святым чудотворным иконам, к благоухающим мощам святых. Представьте себе такого паломника. У него голова идет кругом, ему кажется, что он попал в другой мир, на небо.

В один из моих приездов на Святую Гору мне пришлось сойти на пристань в Пантелеймоновом монастыре, оставить там вещи и тут же отправиться в монастырь Ксиропотам. Со мною было двое спутников, ранее не бывавших на Афоне. Через 40 минут мы уже пришли в этот тихий монастырь. Еще через 10 минут к нам пришел диакон, говорящий по-русски и вынес святыне мощи и часть Животворящего Креста Господня. Представьте себе тихий уединенный монастырь, тишина храма, где нет ни прихожан, ставящих свечки, ни убирающих храм служительниц, ни даже священнослужителей, только мы, отец диакон и благоухающие мощи святых, к которым мы прикладываемся безо всяких преград в виде стекол или закрытых раков. Мои спутники отметили особенное благоухание Честнаго Креста, на котором был распят Господь наш Иисус Христос. Какой бы ты ни был человек, пусть даже самый грешный, но если в тебе теплится вера, ты почувствуешь, что неведомая сила подхватила тебя, и начался новый отсчет времени. Я был уже не раз на Афоне, бывал и в этом монастыре, а что говорить о моих друзьях – они просто ощутили себя на небе.

Это ощущение неба часто не покидает паломника во все время его пребывания на Афоне. Но, вот он приезжает на Афон второй раз, потому что невозможно не вернуться на Афон, и срок его паломничества уже чуть дольше. Вот он уже читает литературу об Афоне, глаза его начинают замечать и некоторые земные моменты. Из книжек и журналов он узнает, например, о борьбе афонцев с собственным архиереем-экуменистом и многое другое. Нет, чаще всего такой паломник оставит Афон в своем сердце и не станет его вычеркивать, потому что Афон есть Афон, который он видел, и к святой земле которого припадал сам. Но тот, кто никогда не был на Афоне, ухмыльнется: подумаешь Афон, Святая Гора, оказывается, и там все, как в мире, те же грехи – ни больше, и не меньше. Духовный младенец, понимаемый не в смысле чистоты, а в смысле малого возраста и еще меньшего понимания, отшатнется от веры, когда увидит реальность падшего мира часто проникающего и в святое место. Что услышишь от таких младенцев? Мы не можем ходить в храм, там батюшка иеромонах разъезжает на иномарке, в то время, как половина России стала забывать вкус белого хлеба. Поэтому современный человек должен научиться отделять пшеницу от плевел и помогать делать это другим. Свята Афонская Гора, но много есть тех, кто переступает ее предел с недостойными целями или с нечистым сердцем. Или здесь уже подвергаются искушениям. И иначе не может быть, потому что «противник наш диавол ходит, как рыкающий лев, ища кого поглотить» (1 Петр. 5,8). Поэтому нам надо «трезвиться и бодриться», а не приукрашивать грубыми масляными мазками и без наших рук написанную картину. А в отношении Святой Горы лучше употребить

---

¹ Пристань

² Монастырская гостиница для паломников

слово: «икона», потому что вся она со своими насельниками, со своими монастырями, со своей природой, лесами и скалами, морем и небом, являются не только уделом Божией Матери, но и Ее иконой, так как Она тысячи раз являла Себя в этом уделе своими молитвами и даже зримо. Поэтому ненужно ничего подкрашивать, а осторожно взять чистую белую тряпку и снять неизбежную копоть и грязь. Снятая грязь лучше выявляет изображение, отделив грязь, мы видим всю чистоту подвижников, к которым не смогла прилепиться никакая грязь.

И вот здесь, в Ксиропотамае, рухнувшие стены монастыря лучше всего подчеркивают незыблемость православия. По преданию, когда на Афоне начали насаждать латинскую ересь, почти все монастыри отказались сослужить с еретиками. Пострадали отцы в Иверской, Ватопедской, Зографской обителях, в Карее. Но ксиропотамские отцы согласились и встретили латинян с ветвями в руках и приветствием в устах: «да будет мир Христов с нами!» Далее начали общую службу и во время произнесения слов: «о архиепископе нашем, иже в Риме и о благочестивом царе» – произошло землетрясение и упали стены монастыря подобно иерихонским. Кроме того, до этого нечистого дня многие годы на монастырский праздник 40-мучеников севастиийских здесь выросло сорок чудесных грибов, вкусив от которых, каждый получал исцеление, вне зависимости от того, какой болезнью страдал. Чудо это после ксиропотамской унии прекратилось. Рухнувшие стены не сохранились, а сохранился монастырь тихий и строгий.

А можно написать и по-другому. «Сейчас же, когда почти все наши монастыри смыты революционной волной, Афон с его сотнями келий, скитов и монастырей и 10.000 армией черноризцев заслуживает сугубого внимания и приобретает для нашего православия особое значение, как единственный неуязвимый уголок этих черных паразитов-пауков, сотни лет высасывавших из кармана нашего крестьянина от 3 до 7 млн. рублей ежегодно...». Такое предисловие написано к книге некоего Семенова, совершившего не паломничество, а скорее шпионо-диверсионную вылазку на Афон в 1912—1913 году. Сам про себя этот Семенов сообщает: «Надо сказать, что я в то время великолепно еще помнил катехизис Филарета и знал на память все указанные там подлинные тексты из Евангелия и Св. Писания³. Хорошо помнил историю церкви, свежи еще в памяти были сочинения Толстого, Бебеля, Ренана; знал также хорошо богослужение и все службы церковные». Настолько хорошее впечатление он производил на некоторых нерадивых монахов, что ему тут же было предложено в течение нескольких месяцев стать архимандритом. И всего за 300 тогдашних рублей. Якобы для разоблачения корыстолюбия греков. Разумеется, эта история поведена со слов самого автора-безбожника и достоверность ее вызывает большие сомнения. Но автор брал много из реально бывшего на Афоне и преломлял это в своем революционном сознании. Скажите, кто будет слушать этого Семенова о «черных паразитах-пауках, сотни лет высасывавших из кармана нашего крестьянина» сколько бы то ни было рублей. Но удивится наш читатель, удивился бы тот же Семенов, когда бы услышал, что у него были предшественники: и не большевики, эсеры и т. д., и даже не корреспонденты «Юманите», а уважаемые профессора духовных академий, но об этом потом...⁴

Надо признать, что в то время многие духовные учебные заведения частенько выпускали из своих стен безбожников и атеистов. Поэтому один афонский старец в первую очередь спросил будущего архиерея Арсения (Стадницкого), верит ли он в Бога, когда тот, будучи студентом академии, совершал паломничество на Афон. Как бы нам не вернуться к тем временам... Представьте себе, как опасен для церкви богословски подкованный безбожник, и какую вредную книгу он сочинит об Афоне, играя на реальных тамошних недостатках и распрях. И какие еще книги могут быть написаны продолжателями дела этого г. Семенова.

---

³ Автор большевик в оригинале пишет эти слова с маленькой буквы.

⁴ Павел Троицкий. Альманах «Православие или смерть». № 16 стр. 1

К чему это все? К тому, что мы принесем церкви непоправимый вред, если будем закрывать глаза на действительность и дадим властвовать над ней, описывать в черных тонах, использовать в своих целях и, наконец, просто перевернуть темным людям, которые только ожидают своего часа.

И велико преступление современных афонских насельников, да и всех христиан, которые подменяют реальную красоту Удела Божия Матери на красочные альбомы с живописными монастырями и калоритными монахами. Афон – это не галерея и не заповедник, это вечнозеленое древо посаженное на скудной афонской земле Самой Божией Матерью, которое выросло на камне и дало много плода.

Что же, и альбомы нужны. Но, что мы знаем об Афоне двух прошлых веков? О том, что еще не все сокрыто покрывалом забвения. Знает ли русский человек о своих великих соотечественниках, здесь, на чужой земле, нет, неправильно сказано, не на чужой (как может быть чужим удел Божией Матери?), а на нерусской земле, достигших святости и ставших подобными нашим великим отцам: Сергию Радонежскому, Серафиму Саровскому и Иоанну Кронштадтскому? Скудные материалы печатались о иеросхимонахе Арсении и его сподвижнике-схимонахе Николае, об афонском духовнике Иерониме и игумене Макарии. Ничего практически русские люди не знают о отцах Виссарионе и Варфоломее – основателях Андреевского скита, и об о.Павле – ученике тоже Арсения и о практическом воплощении «Илиотропиона⁵» в жизни инока Парфения послушника все того же о.Арсения. Да и о великих подвижниках: сербе Пахомии и духовнике грузине Иларионе, – мы практически ничего не знаем. Это, если коснуться только 19 века. А на 20 век вообще выпало всего две страницы: одна об спорах о имени Божиим на Афоне, а другая посвящена всеми почитаемому старцу Силуану. Где же все остальное? Почему такое страшное молчание? Кому, как не русским афонским монахам, написать о своих великих соотечественниках и о тяжелом для русского Афона прошлом веке. Немного сказано, и то, благодаря переводу с греческого, о старце Тихоне. Но вспомним только карульских русских насельников минувшего века: богослова и аскета иеросхимонаха Феодосия и его ученика Никодима, о.Парфения бывшего князя и бывшего генерала, адъютанта Его Императорского Величества, иеросхимонаха Никона. Мы же уже несколько пресыщены видами и одними и теми же рассказами своеобразного уничижительно-хвалебного жанра. Уничижительно-хвалебного, ибо он подменяет живую картину фотографией, да еще немного подправленной в «фотошопе», чтобы не оказалось в кадре что-то выходящее за пределы нашего понимания. Но еще в прошлом веке русские газеты писали прямо и правдиво, не боясь нарушить прелести застывшей фотографии, благодаря чему мы имеем эти кусочки живой истории Афона, в его неустанном стремлении к святости и борьбе с грехом. Мы еще вернемся к эти кусочкам.

Вот к таким мыслям меня привело воспоминание о тогдашнем посещении ксиропотамского монастыря и нынешнее размышление о его рухнувших стенах. Кстати, напоследок, покидая монастырь, загляням в книжечку с красивой обложкой, изданную в Салониках на русском языке и продававшуюся в Пантелеймоновом монастыре. Там, как и подобает, множество хороших фотографий. О монастыре Ксиропотам читаем: «После четвертого крестового похода (1204 г.) и установления в Византии владычества крестоносцев, Ксиропотам переживает серьезный экономический кризис. Приход к власти Михаила Палеолога сыграл положительную роль в развитии монастыря (наверное, имеется в виду льготный хрисовул 1276 года, в котором император подтверждает право владения монастырем всеми его имениями на Святой Горе и вне ее) – император оказал ему щедрую экономическую поддержку»⁶⁷. И ни слова о рухнувших стенах.

---

⁵ Илиотропион означает по-русски подсолнух. Имеется ввиду книга о следовании воле Божией написанная свят. Иоанном (Максимовичем)

⁶ Наверное, после этой щедрой поддержки монахи и вынудили себя поддержать униатов

Чтобы лучше понять значение для нас Афона, его прошлое и настоящее и даже попытаться заглянуть в будущее, надо знать живую историю Афона, свободную от какого-либо штампа. И не избегать афонских болезней, потому что болезни иногда подчеркивают силу и жизнеспособность организма. Понимая всю необъятность задачи, автор решил ограничиться историей русского Афона, вернее, одного его исторического этапа, наиболее близкого от нас, и, если так можно выразиться, «свободного», то есть до российской катастрофы 1917 года.

Начнем наш путь к русскому Афону с рассмотрения форм монашеской жизни, которые существовали на Афоне в конце 19 – начале 20 века. Некоторые формы, за сохранение которых ратовали многие ученые мужи, ныне уже отошли в прошлое. Что это были за формы и почему они были характерны для Афона?

Продолжим его рассмотрением национальных отношений. Увы, в многоязычном афонском братстве часто находилось место для вражды и ненависти. Но нас, конечно, в первую очередь должны интересовать греко-русские отношения.

Здесь не просто столкновение двух христианских народов разных по происхождению, культуре и обычаям, это принципиальный вопрос о самой сущности Святой Горы. Что значит она для христианина? Это провинция современного греческого государства во главе с губернатором или Удел Божией Матери предназначенный для всех языков?

Далее надо коснутся других трудностей в жизни русского Афона. Необычным окажется то, что русские святогорцы подвергали травле даже из самой России.

Историческое описание первой русской обители после афонского запустения 1821 года содержится в брошюре «Свято-Андреевский скит и русские кельи на Афоне». Но нельзя обойти некоторые вопросы становления Андреевского скита. Которые остались вне этого изложения. Надо сказать и о чудесном проявлении благоволения Божией матери к русскому скиту через чуда от Ее иконы «В скорбех и печалех утешение».

Влияние Афона распространяется на весь православный мир. В разделе «Афон и вокруг него» собраны некоторые истории связанные с Афоном и его обитателями. Наконец придется немного добавить и некоторых современных аспектах афонской жизни.

Исихасты и киновии

Для русского человека вопрос, заданный в своей наивной простоте, что лучше: общежительное или особножительное житие, – давно уже получил однозначный ответ в предпочтении первого. Киновия не только стала единственной реальностью в современной русской монашеской жизни, но и считается самой совершенной формой монашеской жизни. Афон дает многообразный материал для сравнения форм монашеской жизни. Еще не так давно их здесь существовало шесть: общежитие, особножительные монастыри, скиты, келии и каливы, исихастирионы, или отшельнические каливы, и одна особенная афонская форма – сиромашество⁸.

Иногда разные формы монашества вступают в видимое противоречие. Некоторые противоречия существуют, если не с самого начала монашества на Афоне, то, уж точно, пришли к нам из глубины веков. Например, это противоречия между отшельниками и киновиями. Когда преп. Афанасий по просьбе Никифора Фоки создал первый общежительный монастырь, то отшельники, которым еп. Порфирий Успенский присваивает название «исихасты», весьма активно стали препятствовать этому новшеству и нарушению афонских правил. Их поддерживал и знаменитый преп. Павел Ксиропотамский, основатель двух монастырей на Афоне. Против был также прот⁹. Преп. Афанасию пришлось ехать на суд с исихастами в Константи-

---

⁷ Панагетис Цацинидис .Афон и русский Святопантелеймонов монастырь. Салоники , 1997. стр 48

⁸ Келья от каливы отличается наличием храма.

⁹ Прот – это уважаемый старец, стоявший во главе протата, и избиравшийся насельниками святой Горы. Должность прота

нополь. Было это уже во дни царствования имп. Иоанна Цимисхия. Была назначена проверка на месте, был послан авторитетный представитель императора Евфимий, и преп. Афанасий победил, хотя, конечно, не без поддержки со стороны императора. Исихасты приводили много разумных доводов, что лаврский игумен нарушает тишину, строит громадные стены вокруг монастыря, заводит ремесла, которые кажутся отшельникам суетными и, вообще, наполняет пустыню суетой и многими попечениями. Вот монастырь с водопроводом, пекарней и общей трапезной. Весьма хорошее жилище. Для чего же тогда идти в пустыню? Оставить молитву и заняться стройкой? Надо отметить, что преподобный сначала сам не хотел создавать монастырь, когда ему на то предложил средства крупный военачальник, а позже и император Никифор Фока. Преподобный действительно опасался мирских попечений и боялся ненавистного золота, но после того, как истинный послушник Господа узрел волю Божию, он последовал ей. Правильность этого решения была подтверждена Божией Матерью, которая объявила преподобному, что будет домостроительницей его лавры: «Я тебе помогу: все будет с избытком даровано, только не оставляй своего уединения, которое прославится и займет первое место между всеми возникшими здесь обителями». Чем же хороши, угодны Богу общежительные монастыри? Когда один из афонских старцев, похоронив своего учителя, с которым прожил в пустыне 40 лет, сам должен был наследовать келью и иметь учеников, то со страхом удалился в Пантелеймонов монастырь, славящийся своею строгой жизнью, объяснив это так: «Слышал я неоднократно от своего старца, что пустыня страсти только усыпляет, а общежитие умерщвляет и искореняет». То есть пустыня хороша для совершенных, которые должны предаваться безмолвию и молитве. Какой смысл в пустыне новонаначальному, если в нем будут говорить страсти? Какое уж тут безмолвие? В общежитии усердные монахи легко достигают совершенства, следуя путем послушания. Послушник отказывается от своей греховной воли, которой управляет себялюбие, или прорче, эгоизм, который по преп. Максиму Исповеднику есть главное препятствие на пути нашего спасения. Послушник при этом выполняет не чью-то, чужую греховную волю, а волю Божию, которая является через старца. Это очень важный момент. Поэтому при поступлении к старцу или в монастырь послушник выбирает себе руководителя, через которого будет ему открываться воля Божия. Послушник должен быть уверен, что выполняет волю Божию¹⁰. Нечестивых, греховных старцев преп. Игнатий Брянчанинов советует избегать, потому что послушание – это исполнение не прихотей, а воли Божией. Разумеется, не должно быть никаких переводов монахов из одного монастыря в другой, совершаемых по указанию свыше. Не всякому послушнику подходит любой старец и любой монастырь. Послушник должен верить, что слово его духовного отца – слово от Бога, как только он теряет в это веру, рвется нить послушания. Если же монах видит, что игумен заставляет его делать что-то противное вере, уставу или благочестию, то он должен отказаться, потому что не может быть послушником воли не Божией, а демонской. В книге «Жизнеописания афонских подвижников благочестия 19 века» читаем: «Занимая, по-видимому, незначительную должность, о. Антипа, по мере

просуществовала до начала 17 века.

¹⁰ Недавно вышла в свет книга молодого афонского иеромонаха Доримедонта «Учение Святителя Игнатия Брянчанинова о послушании в свете Святоотеческого Предания». М., 2002. Следует сказать, нападки на святителя не прекратились не только с его смертью, но продолжают и после его прославления. Причина состоит в том, что святитель Игнатий не боялся обличать недостатки в церковной ограде. Недостатки множатся, увеличиваются и нападки. Иеромонах Доримедонт пытается произвестти монашеское послушание в некое таинство, общее для всех христиан: каждый должен кого-либо слушаться, не взирая, как говорится, на лица. Соответственно, надо доказать, что недостойность старца, священника, начальника не играет роли для совершения «этого таинства». И святитель Игнатий считает, что необходима некая вера в старца, то есть послушник должен быть уверен, что выполняя волю старца, он выполняет волю Божию. Можно сказать, он в какой-то мере должен считать его святым. При объективном взгляде на вещи послушание любому старцу или священнику в духовных вопросах является фарисейством. «Главное – не внешнее послушание, а внутреннее; не внешнее только отсечение своей воли, а внутреннее», – говорил современный подвижник схимонах Никодим Карульский. Откуда может взяться это внутреннее послушание, когда ученик не верит своему старцу? Впрочем, это достаточно сложная тема и не является непосредственным предметом рассмотрения этой книги.

своих сил, ревновал о сохранении общежительных правил во всей силе. Однажды о. Нифонт в общей братской трапезе благословил келарю приготовить для себя и какого-то гостя отдельное кушанье. Келарь не приготовил: игумен разгневался и велел встать ему на поклоны. – Поклоны я буду класть с радостью, – отвечал ему келарь, но прошу извинить меня: сделано это с благою целью, дабы не было преткновения и соблазна братии! Так как самим тобою же начаты добрые уставы по правилам святых Отцов, то чтобы тобою же не были они нарушаемы, потому что настоятелю во всем надо быть примером для всех: тогда только будет твердо и надежно наше общежитие! – Потом, когда совершенно успокоился о. Нифонт, он благодарил о. Антипу за благоразумную ревность»¹¹. Также необходимы общежительные монастыри для милостыни, поддержки бедных келиотов и сиромашов, для заботы о немощных и старых монахах. И, разумеется, для просветительской деятельности. Все это лучшим образом проявилось в русском Пантелеймоновом монастыре в дореволюционное время.

Монастырь является первой ступенью в духовном возрастании монаха. Более совершенного послушания можно достичь, живя со старцем в скиту или келии, где каждый шаг делается с ведома старца, здесь уже полагается и начало безмолвию, ибо здесь уже нет и многопопечительности большого монастыря. Когда страсти угасают в монахе, то ему хорошо и безмолвие, и он уже полностью может отдаться молитве, не имея никаких попечений. Для многих путь на небо открывается уже в общежительном монастыре. Яркий пример тому – преп. Силуан. При нормальном устройении монашеской жизни все указанные формы просто необходимы. Интересно, что строителями общежитий часто являлись анахореты. Примеры: и сам преп. Афанасий, долгие годы проживший в пустыне, и преп. Пахомий, и русский преп. Сергей Радонежский. Отшельниками были и духовник Пантелеймонова монастыря Иероним, и основатели Свято-Андреевского скита Виссарион и Варсонофий.

Но обратимся к нашему времени. Если в 10 веке исихасты активно противостояли зарождению общежитий, то теперь соотношение сил резко изменилось в обратную сторону, отшельничество стало редкостью и представлено большей частью зилотами¹². Многие кельи пустуют десятки лет, во многих кельях живут отшельники с молчаливого согласия монастырей, не имея специального разрешения – омологии. Так что часто уединенные места становятся не столько жилищем исихаста, сколько убежищем от Константинопольского патриарха.

Есть и другая крайность, когда кельи превращаются в роскошные дачи с большим хозяйством и удобным жильем. Нам приходилось даже видеть кельи, где занимаются птицеводством, и по окрестностям прохаживаются важные индюки. Не нужно объяснять, насколько это не подходит для монашеской жизни. Зачем разводить птицу монаху, который не ест мясо? К сожалению, и в 19 столетии из многих келий доносилось петушиное «кукареку». Нередки случаи, когда кельи стоят под замком, а их насельники подолгу бывают в отъезде. Не нам, мирянам, судить монахов, но хочется вспомнить, что еще в недавнем прошлом многие жители Святой Горы ни разу не покидали место своих подвигов по пятьдесят и более лет. Плохо, если живущие по кельям используют данную им свободу не для молитвы и безмолвия. Плохо, когда они не имеют достаточного духовного опыта для жизни в пустыне, либо не имеют духовного руководителя¹³.

---

¹¹ Иеромонах Антоний (Святогорец). Жизнеописания афонских подвижников благочестия XIX века. Стр. 48-49

¹² Зилотом или ревнителем на Афоне называют монаха, не поминающего патриарха Варфоломея и находящегося в церковном общении с какой-либо старостильной юрисдикцией

¹³ Никогда не забыть, как однажды тихим вечером нам вдвоем с товарищем случилось сбиться с дороги недалеко от Кареи, и вдруг мы попали в тихое, пусть не очень удаленное место, в слабоотгороженные владения чьей-то кельи. Это была бедная келья, но главное, какая в ней царил тишина. Когда мы стали искать дальнейший путь, то я вдруг повернулся и увидел в полутора метрах от себя в окне величественного старца с длинной бородой, на секунду поднявшего свои глаза от рукоделья. И тут же их опустившего, как будто нас и не существовало. И у нас не появилось ни малейшей обиды от такого невнимания, кстати не очень-то необычного здесь на Афоне. Мы поняли, что надо как можно скорее, удалиться и не нарушать молитвы. И тут же нашли спуск с холма, на котором располагалась келья.

Многие скажут, причина затухания отшельнической жизни в том, что не стало мужей, подобных преп. Петру Афонскому, прожившему 53 года в пещере. Хотя, конечно, подвижников и поубавилось, но ведь совсем в недавние времена их было множество. Возьмем 19 век. Русскому человеку мало что скажут имена уже упоминавшегося здесь великого старца Арсения или Хаджи-Георгия. Первый вел строгую жизнь в пустыне, был духовником многих русских монахов. По кончине его было обнаружено, что ноги его почти совсем сгнили, хотя при жизни старец не подавал виду, что страдает ногами¹⁴. Вторым – Хаджи-Георгий, имеющий такое странное имя по причине своего паломничества в Святую Землю, был настолько строгим постником и ввел столь строгий устав среди своих учеников, что это вызвало нарекания со стороны других афонских старцев. Наконец, живший в конце прошлого века Пахомий-серб долгие годы провел в трудно доступной пещере, зимой часто полностью заносимой снегом. Подвиги его были столь велики, что никто не мог подвизаться с ним. А сколько их было – безвестных подвижников. Так, в книге Благовещенского читаем о визите к одному русскому старцу: «Верхушка горы голая, дикая точно кто-то нарочно навалил туда груды исполтинских камней и потом разметал их по скату. Между камнями чернеются широкие скважины и на одну из них указал мне о. Лукиан, как на жилище Анфима. Тропинка, промытая дождевыми потоками, лепится утомительно круто, под ногами то и дело скользят да прыгают камни; но с частыми перемежками и отдыхами добрались-таки мы до места. Там, между двух камней, в тайном углублении, увидели мы стенку, прикрытую сверху хворостом, а в стенке дверь. Думая, что затворника нет дома, он стукнул пошибче, дверь приотворилась, и мы увидели Анфима. То был седой, как лунь, старик, одетый в порыжевшие от времени лохмотья. Он стоял к нам спиной, перед иконой и тянул четки. В келье темно, – свет едва проникал в небольшое отверстие над дверью. Постели никакой не было. У правой стенки мы заметили полку, на полке стоял кувшин и череп человеческий. Местность дикая, вокруг один только раскаленный камень. Отсюда не видно ни моря, ни растительности окрестной, значит подвижник отказался даже от наслаждения видами природы, – подвиг уважаемый на Афоне». Вспомним русских карульских старцев, подвизавшихся в нашем столетии: Феодосия, Никодима, Никона, Парфения. Наконец, знакомого русскому православному человеку о. Тихона, жившего долгое время в пещере на Каруле под Георгиевской кельей. Жив еще постник о. Евфимий, ведший очень строгую жизнь, известный своей прозорливостью. Наконец, автору самому приходилось бывать в обитаемой пещере подвижника. Разумеется, есть подвижники, которые живут сокровенно. Некоторые из перечисленных старцев дожили практически до наших времен. Так что дело не в том, что никто не хочет подвизаться, потому что сильно изменился человек, а в том, что нечто изменилось в этом вертограде¹⁵.

Что касается русского монашества, то отшельничество не укладывается в рамки, ограничивающие ныне жизнь черноризцев. Представить себе инока ушедшего в пустыню по ревности, а не по указанию Синода или епархиального архиерея невозможно. Нужны благословения или разрешения. Впрочем, уже в 19 веке между афонскими иноками и церковными властями в России возникает множество недоумений. Часто люди из простого сословия приезжали на Афон как паломники и оставались там навсегда. Естественно, для этого не требовалось ничего кроме собственного желания послужить Богу да согласия игумена или старца. Это «своеволие»

---

¹⁴ Мало того, иеросхимонах Арсений был как бы отцом русского Афона. Иеросхимонах Виссарион и схимонах Варсонофий, основатели Андреевского скита, – его ученики. Как появился известный подвижник, духовник Пантелеймонова монастыря о. Иероним, в Русике? Обладающий даром познавать волю Божию старец Арсений забрал его из тихой пустыни в «шумный» монастырь, и Русик обрел своего известного духовника. По благословению старца Арсения пришел в обитель бывший игумен Ильинского скита и первый духовник Русика иеромонах Павел

¹⁵ Есть подвижники, ведущие суровый образ жизни и поныне. Может быть, они не покажутся современному паломнику соответствующими по высоте подвига своим предшественникам, но уже жизнь безо всяких земных попечений в пещере является подвигом при телесной расслабленности современного человека

не могло не вызывать возмущения церковных чиновников, и часто у афонских монахов возникали проблемы с поездками на Родину. Иеромонахи, чаще всего, не принимались в сущем сане.

Раньше на территории, принадлежащей Пантелеймонову монастырю, было множество келий, и в них жило много отшельников. Около монастыря было тринадцать только известных келий. Кроме того, был целый скит Новая Фиваида, созданный специально для русских отшельников, неспособных платить греческим монастырям дань за проживание на их территории. Надо отметить, что духовник русского монастыря иеросхимонах Иероним, уважал подвижников, проводящих достойно отшельническую жизнь и всемерно оказывал им помощь. Теперь же на территории русского монастыря практически нет отшельнических келий. Один монах живет в Старом Руссике, еще один в скиту Ксилургу¹⁶. Но это больше напоминает службу сторожей, нежели отшельническую жизнь. Ведь нельзя же забросить целый монастырь и скит. Некоторые объясняют это недостатком монахов, ведь раньше в Пантелеймоновом монастыре жило 2000 монахов, в Андреевском скиту – 500. Но нет сомнения, что нашлось бы сейчас сотни две или более русских монахов, которые с радостью отправились бы спасаться на Афон. Надо сказать, что любому монаху было бы полезно пройти афонскую школу в течении хотя бы нескольких лет.

За более, чем десятилетие, многие послушники, прожив на Афоне 4-5 лет, уезжали обратно в Россию, потому что отчаивались стать когда-либо монахами. А ведь афонский устав предполагает только годичный «искус» для послушника. И уезжало за один раз по десятку человек, а то и более. Можно сказать, что это дело их духовных наставников, дело деликатное, и что не все они были готовы к принятию монашества. Но, скорее всего, эти послушники по тем или иным причинам пришлось в монастыре не ко двору. При наличии келий, особенно на территории других монастырей, пользующихся в соответствии с местной традицией духовной автономией, некоторые послушники вместо того, чтобы покинуть Афон, оказались бы, под властью старцев в кельях, и возникла бы своеобразная оппозиция. Что, впрочем, сейчас в известной степени и происходит. Но есть и другие – духовные, а не административные причины исчезновения безмолвников.

В древности исихасты обвиняли преп. Афанасия в том, что он вносит суету, мирские попечения в жизнь Афона. Но общежитие предполагало строгое житие в послушании. А совместные усилия братства позволяли возводить прекрасные храмы, питать нищих и вести проповедническую деятельность. Идея преп. Афанасия реализовалась в полной мере в русском монастыре в дореволюционный период. «Афонские листки», «Душеполезный собеседник», труды преп. Феофана Затворника и другие книги выпускались издательством Пантелеймонова монастыря. Свято-Андреевский скит выпускал «Наставления и утешения святой веры христианской». Тысячи паломников могли помолиться на Афоне. Вот как пишет об афонском странноприимстве преосвященный Никанор, епископ Смоленский и Дорогобужский, посетивший Афон в конце 19 века: «После этой первой трапезы, справлялись другая, потом и третья. Так много приходит иноков-гостей питаться в монастырь св. Пантелеймона. Кроме того, многие невозбранно берут и с собою хлеб, запасаясь им на несколько дней или даже недель, так как некоторые пустынножители стесняются приходить сюда часто и пользоваться русским хлебосольством безгранично». Было множество и подвижников, которые как уже говорилось, в большинстве своем неизвестны русскому человеку.

Но тогда уже наметилась тенденция весьма опасная, которая развилась в нашем современном монашестве до невероятных размеров. Так в своих письмах еще в прошлом веке Святогорец пишет: «Слово игумена принимается здесь за изъявление Господней воли, что бы он ни сказал, что бы не повелел делать – хорошо ли, не хорошо ли». Как просто: хорошо ли, не хорошо. А если это «не хорошо» явно противоречит воле Божьей, выраженной, к примеру,

---

¹⁶ В последние годы после попытки греков занять этот скит количество монахов в нем возросло.

в заповедях Божьих? Как мы уже показали здесь, преступно подходить к послушанию механически, и приводился пример, когда истинное послушание Богу, – выполнять Его волю, а не волю игумена. Или дальше читаем: «Конечно, пост и в кинонии великое дело, но – ко времени, а послушание, как говорится, выше не только поста, но и самой молитвы». Как может придти в голову противопоставить послушание молитве? Послушание как добродетель не может быть противопоставлено посту или молитве. В жизнеописании подвижника благочестия грека Зосимы выпущен следующий диалог с насельниками русского монастыря, хотя в других жизнеописаниях составители почти всегда приводят первоисточники полностью. «В противоположность такой жизни (прим. отшельнической) мы высказали ему, что наше монастырское житье большею частью состоит в том, что толчемся с утра до вечера в разных поделях, едва успевая бывать на церковных богослужениях, и со своими немощами и потачками себе далеко отстали от подвижнической жизни. Старец говорил : «невозможно» так заниматься, если мы хотим быть духовными. Попечение и постоянная деятельность делают нас телесными (вещественными, привязанными к временному). Довольно иметь 3 или 4 часа в сутки на занятия, а остальные должны быть посвящены Богу, потому что безмолвием и вниманием мы обретаем Бога». Это и может быть поставлено русскому монастырю в вину. Но в том Руссике эти слабости существовали в зародыше. Некоторые даже возмущались, что афонские монахи де лентяи. Невероятных размеров достигло увлечение трудом в ущерб молитве в нынешнем монастыре. Современные монахи едва не падают с ног от непосильных послушаний. Ведь до революции здесь спаслись тысячи, ныне же 30-40 монахов пытаются восстановить громадные здания¹⁷, которые уже давно стали руинами. «А для кого это все восстанавливать?» – прозвучал вопрос одного современного насельника русского монастыря. Действительно, для кого, если умножение русской обители, по-видимому, ни в чьи планы не входит? Сделать большим музеем «европейского сообщества»? И к тому же эта «благородная» цель лишает монашеской жизни нынешних насельников монастыря. Один современный старец видел, «как сатана с высунутым языком обходил каливы скита и дразнил монахов: «Ха, ха, ха! Оставили монахи молитву и стали суетливыми, как миряне. Постоянно заняты работой...»¹⁸. Приведем еще пример несообразности этих послушаний. Когда в Пантелеймонов монастырь прибыл один уважаемый старец в надежде поселиться здесь, ему было дано такое послушание, от которого старец тут же слег с воспалением легких и, впоследствии, вынужден был покинуть монастырь. В результате в монастыре могут остаться только молодые, крепкие, жившие где-нибудь в сельской местности монахи. Но нельзя же таким образом создавать монастыри. Тот же преосвященный Никанор подчеркивал трудолюбие русских монахов: «У них¹⁹ почти все получается из полумертвых капиталов и оброков, между тем, как здесь живым ключом бьет живая трудовая жизнь, а в ней и с ней вырабатывается и дух святого подвижничества, чуждаго всякой неги и роскоши, которая нередко бывает в старых греческих обителях». Разумеется, труд необходим в монашеской жизни, но на первом месте в любой форме монашеской жизни стоит молитва. Иначе монастырь превращается в трудовую армию. А «послушание» в таком монастыре порождает и безразличие к святыне. И, конечно же, любой келиот или отшельник будет восприниматься как своеобразный диссидент или лентяй, отлынивающий от послушаний. Тут можно заметить, что упомянутый здесь старец и по удалении своем из монастыря подвергался различным притеснениям и гонениям.

Да и подумайте, может ли родиться стремление к безмолвию там, где насельники подбираются по одному признаку: способности к труду? В таком монастыре истинное послушание, которое было ведомо спасавшемуся здесь преп. Силуану, многих научило молитве и привело к

---

¹⁷ Этот материал написан еще до начала евроремонта на Афоне, начатого благодаря помощи объединенной Европы.

¹⁸ Старец Паисий. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Стр.139, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001

¹⁹ Прим. греков

отшельнической жизни и безмолвию. Но когда начинают управлять монашеской жизнью другие цели: угодить какому-то мирскому или церковному начальству, быстро воздвигнуть стены, не возделывая духовной нивы, то тогда и оскудевают монастыри подвижниками, и возникает духовный глад. Тем более страшно, когда начальство это антихристианское. Может быть, это заявление и слишком категорично, но пока, увы, видится такая картина.

Киновия и идиоритм

В этом столетии были ликвидированы все штатные или идиоритмические монастыри. «Статут» 1926 года разрешает переход идиоритмического монастыря в общежительный, обратное же преобразование запрещено. Таким образом, и государственные, и церковные власти заинтересованы в существовании общежительных, а не идиоритмических монастырей.

Что же представляет собой малоизвестный в России идиоритм? Идиоритм или, как его не совсем верно называют в России, штатный монастырь, по своему устройству занимает как бы промежуточное положение между киновией и скитом. Во главе такой монастырь имеет одного из старцев, называемого проэстосом, причем управление ежегодно меняется. Иноки в таком монастыре получают определенное содержание деньгами и продуктами, сами готовят в своей келье еду и, фактически, живут независимой жизнью по своим наклонностям и желаниям. Но независимость эта в первую очередь экономическая. Не следует понимать такую жизнь вроде обитания в студенческом общежитии. Духовно монахи также окормляются у старцев, и никто не позволяет им нарушать иноческие уставы. Вспомним, что в древности идиоритмы были и на Руси. Например, монастырь преподобного Сергия в первый период своего существования фактически был идиоритмом. Организационное устройство идиоритмического монастыря таково: старцы составляют синаксис – священное собрание, которое является высшей властью монастыря. Исполнительная власть, через которую синаксис осуществляет управление монастырем, состоит из двух эпитропов и одного дикеея. Игумен избирается лишь на несколько часов, а потом по заведенному обычаю отказывается от власти и пополняет общество почитаемых проигуменов. Как отметил один из монахов того времени, в таком монастыре только и слышно, как величают друг друга архимандритами. Потому что звания в идиоритмических монастырях раздавались весьма щедро. «Теперь напишу хотя бы немного о лаврах. Лавра по-гречески называется диорота; в них живут больше по своей воле как хотят, только под духовником (примечание то есть как и большинство мирян, обращаются к нему за советом). Пищу получают из общего, хлеб печеный, масло, вино и крупы; а готовят каждый для себя. Трапезы общей не бывает; бывает только для странников. Деньги и вещи каждый у себя имеет, и что кому надобно, – покупают. В церкви правило правят по уставу афонскому, продолжительно. Всенощные бдения бывают только по великим праздникам, тоже продолжаются двенадцать часов. Послушание братия проходит по обычаю; богатые на послушание в монастырь не ходят, но исправляют другие послушания, – посылаются в разные места по монастырской надобности. Бедные много работают и много терпят скорбей. Управляются монастыри соборными старцами. А хотя и избираются игумены, но только ради церкви. И в сих монастырях много есть рабов Божиих, которые проходят совершенную монашескую жизнь. И там много таких, которые знают только что церковь, да свою келью: положили в монастырь довольно денег, с тем, чтобы их ни в чем не беспокоили, и живут яко в пустыне только по своей воле» (правильнее сказать, по воле Божией).

Особым уважением пользуются в монастыре проэстосы. Жизнь проэстоса привольная, богатая. Окружен проэстос заискивающими послушниками, готовыми выполнить за него любую работу. Как это ни смешно звучит, даже и помолиться. Да, да, иногда проэстосы нанимают за себя читать правило, каноны, а сами слушают правила, лежа на диване. Такие картины рисуют русские посетители Афона. Но каждый монах обязан участвовать в службе. Проэстосы и здесь умудряются найти себе заместителей. Если проэстос не обязан сам служить, то он пользуется правом всякую службу послушать у себя в келье. Имеют такие старцы жилище из 6 и более комнат. Не все проэстосы таковы, но это довольно типичная картина. Главный источник доходов для проэстоса – его командировки по управлению каким-либо метохом. Но

как ни трагично такое положение, не надо считать, что такие монастыри заранее чужды святости. Да, греческий штатный монастырь был монастырем плебса и олигархов. И место для подвижника в таком монастыре все же имеется, но только среди плебса. Подвижников надо искать среди тех, кто не может добиться лучшего положения или не желает его добиваться. Они позволяют главам монастыря жить в прохладе и сытости, а сами несут все тяготы своего униженного положения. То, что некоторые из предстоятелей хищничают и живут не по-монашески, – это с их точки зрения неважно, даже, может быть, так и нужно. Так что штатный монастырь дает возможность свободного выбора подвига.

Киновия применяет некоторое экономическое насилие, заставляя монаха утеснять себя согласно общим правилам. Но если взглянуть не в организационное устройство идиоритма, а в его духовную сущность, то легко понять, что часто то, что мы называем в России киновиями, на деле и есть настоящие штатные монастыри, только внешне, по единоличной игуменской власти, напоминающие киновии. Тогда мы придем к мысли, что идиоритм – это деградировавшая по тем или иным обстоятельствам киновия. Обстоятельства эти могут быть внешние: турецкое или монгольское владычество, внутренний упадок духовной жизни. Но важно, что греческие идиоритмы имели устройство, соответствующее духовному состоянию монастыря. Особенно странно или даже страшно смотрелся бы идиоритм с единоличной властью игумена. «Демократическое» устройство давало возможность для подвига среди «плебса». Если бы подобным монастырем руководил единовластный игумен, не чуждый личной собственности и разных мирских слабостей, которому во всем монахи должны были бы подчиняться, то ясно, что такой монастырь был бы более страшной пародией на киновию, чем реально существовавший греческий идиоритм.

Такое происхождение идиоритма подтверждают исследователи афонской жизни. До преп. Афанасия, по их мнению, Афон населяли только исихасты – отшельники. Преподобный впервые на Афоне создал общежительный монастырь, киновию. Это было маленькой революцией, то есть внешним вмешательством в монашескую жизнь. В какой-то мере создание киновии нарушило естественную монашескую среду. И это вмешательство было оправданным. Но еще при жизни преподобного, в 971 году, при общем согласии прота и игуменов Св.Горы был принят общий устав, разработанный игуменом Студийского монастыря Евфимием и утвержденный императором Иоанном Цимисхием, который закрепил некоторые лазейки для идиоритмического устройства. Так, там, например, присутствует оговорка, что игумен имеет право распорядиться принадлежащим ему лично огородом по своему усмотрению. Далее, п.13 запрещает перепродажу огородов. Второй устав 1046 года укрепил идиоритмические тенденции. Этот устав уже запрещает игуменам иметь большие суда для плавания в Константинополь и пытается ограничить их небольшими лодками. Если преп. Афанасий разрешил пятнадцати почтеннейшим и разумнейшим старцам в случае необходимости лишать игумена власти, то новый устав уже пытается оградить монастыри от своевольного смещения и замены игуменов. Нет также четко сформулированного правила о повиновении игумену. Причина наступления идиоритма – упадок духовной жизни, который привел к тому, что общежительное устройство для многих оказалось не под силу. (Как правило, разложение общежития начиналось с самого игумена). И новый устав отразил то, что уже существовало в действительности. Этот упадок привел к распространению так называемого «скоромного зла», которое вызвало соответствующие санкции со стороны императора и привело к тому, что многие, впадшие в этот грех, вынуждены были покинуть святую Гору. С ними исчез на время и идиоритм.

Далее идиоритм постепенно возвращается к жизни, и в уставе императора Мануила Палеолога мы видим попытку нанести удар идиоритму. «Если же кто захотел бы внести что-нибудь в обитель, как вклад или посвящение, тот пусть дает сие, но с тем, чтобы не иметь

никакого решительного преимущества в обители за пожертвование»²⁰. То есть большой вклад в монастырь в то время обеспечивал особую, безбедную жизнь вкладчику. Составлялись даже некие договоры на этот счет. Выборы же игумена в то время осуществлялись всей братией. С идиоритмом борются и патриархи, и императоры, но безуспешно. Это и хорошо: насилие в духовной жизни недопустимо, нельзя по приказу сделать всех монахов нестяжательными. Поэтому в своем уставе имп. Мануил Палеолог, запрещая монахам пользование собственностью, добавляет: «Если же неблагоприятное время не позволит им (монахам) спокойно предпринять перемену к лучшему, то в случае будущих стяжаний пусть они поступают по настоящему обычаю на всей Св.Горе до тех пор, пока время, по соизволению Божию, поможет им опять быть нестяжательными». Нам бы иметь эту мудрость древних. Хотя такая добровольность относится некоторыми исследователями к особенностям греческого народа. Каждый его представитель признавал за собой право на собственное мнение и готов был его бесстрашно отстаивать, если не сомневался в его истинности. Из недавней истории мы знаем замечательный пример. Вселенский патриарх Иоаким III задался целью создать в окрестностях Константинополя женский монастырь. На это было выдвинуто большое количество возражений, иногда даже самых нелепых. Это вывело патриарха из себя, и он заявил, что с презрением относится к разглагольствованиям в печати и все равно создаст монастырь. Надо отметить особую роль Константинопольского патриарха как первоиерарха и этнарха (гражданского представителя греческого народа в Турции) одновременно. И несмотря на это патриарх получил такую отповедь от своего народа, возмущившегося тем, что пренебрегают его мнением, что святейшему первоиерарху пришлось по мере возможности извиняться за слова, брошенные в гнев. Но так или иначе мы видим увековеченное в уставе вполне разумное отношение к действительности, предохраняющее от попыток насильно подогнать ее под идеал. Шестнадцатый век – новый виток борьбы с идиоритмом. Александрийский патриарх Сильвестр, приехавший в лавру по данному им обету, с подсказки константинопольского патриарха преобразовывает ее в киновию. Но уже к началу 17 века идиоритм снова набирает силу. В это время незаметно исчезает власть прота. Монастыри впадают в неоплатные долги из-за роскоши верхушки. Брали займы даже у евреев, и, чтобы уплатить проценты, отдавали тем подарки царей и священные сосуды. В восемнадцатом веке наблюдаем обратное движение: патриархи медленно, с согласия монастырей вводят киновию. В 1784 году в монастыре Ксенофонте, в 1801 – в Симоно-Петре, в 1803 – в Пантелеймоновом монастыре и так далее. К 1856 году уже насчитывается 9 киновий. Два монастыря, Дохиар и Ксиропотам, не выдерживают общежительной жизни и возвращаются к идиоритмическому устройству. Проваливаются преобразования в Иверском и Хиландарском монастырях. Остаются идиоритмами два крупнейших монастыря Великая лавра и Ватопед, а также Пантократор и Филофей. К чему все это говорится? Первый вывод: идиоритм – это разрушенная киновия. А второй – процесс создания киновии должен происходить естественным путем, без насилия.

Таким образом, всем хорошо известны недостатки идиоритмов. В общежительных монастырях вся власть сосредоточена в руках игумена. Часто за описанием особенностей общежительного монастыря, которые, впрочем, всем известны, следует как иллюстрация описание Руссика конца прошлого века при замечательном духовнике о.Иерониме, игуменах Герасиме, Макарии, Андрее. Да, действительно, та картина была близка к идеальной, поэтому-то и умножался так быстро монастырь, и многие приезжие просто умоляли игумена оставить их в монастыре. Настроенный критически епископ Порфирий и здесь верен себе и приводит мудрые слова архим. Антонина (Капустина), неоднократно бывавшего на Афоне: «Но, – неизбежный вопрос, – где же духовный представитель сей единой воли, общепризнанный и общежелаемый

²⁰ Н.И.С-ва. Киновия и идиоритм на Афоне. Сообщения Императорского Православного Палестинского общества 1908, т 19, стр. 55 –102

законодатель и распорядитель обители, – игумен (вождь) в истинном смысле этого слова? Там, где есть святые Феодосии, Афанасии и им подобные аввы, его не нужно искать. Он там есть все, дух и плоть монастыря. Вокруг его общежитие водворяется само собою, им живет и движется и представляет из себя зрелище, в высшей степени увлекательное. Он не уничтожает там своим званием общего равенства и своею волею общей независимости. Он только служит тому и другому отечески. Однако же, где нет игуменства делом, игумена отца, а есть только игумен именем, игумен господин, там и в общежитии представляются камни преткновения не меньшие, чем в своежитии²¹». Но во всех монастырях, кроме русского, по крайней мере, в конце прошлого века, власть игумена была несколько ограничена собором старцев. «В Руссии игумен управляет самодержавно», – сообщает нам еп. Порфирий²². К сожалению, мы на своем русском опыте знаем, что такое монастырь с командиром во главе, а не с игуменом. О современном состоянии общежительных монастырей, что особенно относится к России, четко и емко сказал наш современник Паисий Святогорец: «Чтобы подчиниться кому-либо, нужно или благоговеть перед ним, или бояться его. Подчинение от благоговения является духовным, от страха же – военной дисциплиной. Послушание – это ключ от дверей рая. Но только послушание, а не солдафонство, то есть вынужденное подчинение и молитва из под палки. Никто не исцелился сам, и никто не спасется без послушания. Послушание и природная простота ведут к святости кратким путем²³».

Недостаток общежития в том, что место игумена может занять случайный человек, и это приведет к тяжелым последствиям для большого количества монашествующих. К тому же, по неписанным афонским правилам, принявший схиму на Афоне должен окончить свою жизнь в том месте, где он ее принял. Не нужно забывать, что всякий человек может впасть в прелесть, и игуменство подразумевает готовность человека к этому послушанию, то есть некоторое преуспеяние плюс предназначение. И нет какой-то безгрешности, даруемой как приложение к должности. Поэтому необходимо, чтобы игумен рождался в недрах монастыря, воспитывался монастырем, но никак не назначался кем-то и откуда-то. «Известно, что власть бывает особенно сильна именно тогда, когда она сконцентрирована в одном лице», – делает интересное замечание по поводу преимуществ кинонии автор 19 века. Автор сравнивает кинонию с монархией. В случае какого-либо ограничения власть игумена не может быть сильной. Свобода же тормозит процветание главной монашеской добродетели – послушания, служащего отличительной чертой кинонии²⁴. Становится страшновато, когда монахи требуют сильной власти.

Рассмотрим служение игумена. Оно имеет две стороны: внутреннюю и внешнюю. Внешняя – это управление монастырем. Монастырь должен существовать, и для этого все должно регулироваться: обеспечиваться пища и одежда для иноков, все необходимое для богослужения и так далее. Внутренняя – это духовное окормление пасомых. Чем игумен отличается от старца? У старца внешнее служение сведено до минимума, у игумена большого монастыря нет возможности окормлять каждого монаха. Заметим, что суть послушания именно духовная: в первую очередь, возрастание в духовной жизни подопечных. Ревнитель общежития преп. Паисий Величковский руководил большим монастырем, но имел множество помощников – духовников. В некотором смысле можно сказать, что духовная составляющая власти игумена и должна быть монархической. Послушник должен слушать беспрекословно во всем своего руководителя и не просто повиноваться ему, но с радостью без внутреннего противоречия или недовольства. Такое взаимодействие именно и достигается через свободу. Инок свободно выбирает себе духовника, верит ему, каждому его слову и не слушает никого, кроме самого

---

²¹ Епископ Порфирий (Успенский), История Афона, ч 3, Афон монашеский, СПб, 1892, стр. 556

²² Там же стр. 549

²³ Свящ. Дионисий Тацис Архондарик под открытым небом. Стр. 21

²⁴ Н.И. С-ва. Киновия и идиоритм на Афоне. Сообщения Императорского Православного палестинского общества, 1908, т. 19, №1, стр. 90

старца-духовника. Игуменская власть во внешнем своем проявлении вряд ли чем-то отличается от других управительных органов в церкви. Негде и никогда она не бывает монархической, так как существует ограничение в виде самой Церкви. Над любым епископом всегда есть высшая инстанция, автокефальная же церковь управляется соборно. А именно есть старший епископ, без которого ничего нельзя делать, но и он не может ничего совершать без согласия остальных. Почему игуменская власть должна быть исключена из общего правила? Причин на то нет. Поэтому-то на Афоне сложился принцип соборного управления монастырем: всем управляет игумен, который выбирается братством, но который управляет в согласии с собором старцев монастыря. Такой механизм исключает ошибки в важнейших вопросах жизни монастыря. И что это будет за игумен, который будет повелевать противящимся ему братством. Если ввести монархию и бездумное беспрекословное повиновение, то это скорее будет армейское подразделение, а не монастырь. Так что приходится признать, что устройство Пантелеймонова монастыря конца 19 – начала 20 века все же нельзя назвать идеальным.

Продолжая эту тему, следует отметить, что с духовной точки зрения целесообразно создавать небольшие монастыри, где управленческая власть и духовная не будут разделены. Этот идеал и пытались воплотить в 19 веке русские келиоты, создавая небольшие монастыри в 20 – 100 человек. Такого же мнения придерживаются некоторые современные монахи с большим, в том числе и афонским, опытом. Они считают для нынешнего времени самой удачной формой небольшую киновию, состоящую из старца и нескольких учеников. Естественно, такие общины хоть и должны жить изолированно, но взаимодействовать с подобными монастырями. То есть на просторах нашей Родины можно создавать своеобразные монашеские районы, подобные Святой Горе. Места для подобных поселений должны быть подходящими для иноческой жизни: малодоступными и в то же время пригодными для проживания.

Итак, все ясно, общежитие – это хорошо, идиоритм – это плохо. В этом убеждает нас также Святогорец, автор знаменитых «Писем». Но все же мы, русские люди, знаем о нем только понаслышке, поэтому слово опять архимандриту Антонину: «В своежительных монастырях не видать тех смиренных тружеников на пользу всего братства, тех простодушных лиц, тех робких и долу устремленных взглядов, той неразвязной речи, тех земных поклонов старцу, того духа братского равенства, допускающего трогательную простоту в обращении со всеми, и наконец того единого и единственного жезла игуменского без всяких наружных украшений, но с внутренней силой, которые я встречал в Руссике. Там напротив, каждый начинающий подвиг иночества уже имеет вид, приличный старцу. Там не редкость видеть трость, украшенную серебром и золотом, в руках не только дряхлеющих, но и цветущих молодостью. Поминутно слышишь взаимные друг друга величания титулом архимандрита, здесь легко достаются тому, кто его пожелает. К сожалению, надобно сознаться, что в монастырях подобного рода наравне с заслугой и способностями ценится и богатство. Старость и добродетель вообще занимают второстепенное место в общем мнении, может быть и потому, что суть явления естественные в человеческом и иноческом житии.

На Афоне, за пределами шумной и страстной суеты мирской, существуют и борются между собой две системы иночества: своежитие и общежитие; и та, и другая имеют свои особенности, свои как бы степени идеализации, но при всем том каждая дает себя понимать под чертами общими, как бы существенными. Первая держится начал свободы, вторая неволи. В своежитии господствуют независимость, предоставление каждому самому думать и радовать о себе и обществе, подчинение уставу, а не уставщику, общему правилу, а не личному произволу, определение себя к тому или другому послушанию разумное, а не бессознательное, и действие вследствие сего усердное, а не наемнически холодное. Приятно воображать такое житие. Еще приятнее было бы увидеть его».²⁵

---

²⁵ Епископ Порфирий (Успенский), История Афона, ч 3., Афон монашеский, СПб, 1892, стр. 554

Это мнение немного озадачит русского человека, привыкшего к простому решению проблемы в смысле предпочтения киновии. Увеличим его недоумение и удивление и приведем мнение об идиоритме человека, хорошо знавшего афонское монашество, К.Леонтьева: «Проэстосы – занимают 5-10 комнат, имеют в банках деньги. Сидят в шелковых рясах на широкой турецкой софе, курят наргиле, едят мясо в скоромные дни, представляют обитель, ездят изредка в Афины, Стамбул, Одессу и др. Но таких людей на 200 человек не более 10-12.

«Что это за монах, – говорят люди, – это не инок; это какой-то богатый и лицемерный прелат». Правда, эти люди больше похожи на прелатов или на богатых мирян, у которых набожность соединяется с любовью к роскоши и независимости. Но, что же в этом худого, во-первых? А во-вторых, именно своею светскостью, своим богатством, весом и связями эти люди иногда в высшей степени полезны остальному Афону. «Это столпы наши!» – говорил мне про них один русский игумен. Не аскет, который не выходит из пещеры своей, будет отстаивать афонские права, а проэстос в шелковой рясе, курящий наргиле. За проэстосом и аскету свободнее совершать свои подвиги. Еще вопрос: какие же удобства находит бедный монах в своеобычном монастыре против киновии, где все более равны? Он имеет больше свободы... В киновиях, особенно в греческих, которые с иных сторон еще строже русских, не позволено, например, иметь вечером лампы или свечи без спроса для чтения, даже иеромонахам, которые благодаря своему сану и постоянному утомительному подвигу долгого богослужения всегда имеют кой-какие привилегии... В киновию идет тот, кто, подобно французу, предпочитает равенство, а в идиоритм тот, кто, подобно англичанину, предпочитает свободу²⁶».

Многие, желая показать преимущества киновии, на деле выделяют ее слабую сторону. Так, иногда подчеркивается связь единоличной власти и отсутствия собственности в общежительном монастыре. «В самом деле, одним из побуждений к повиновению игумену была, без сомнения зависимость от него монахов в материальном отношении. Игумен был полновластным распорядителем монастыря: от него монахи получали одежду, от него они зависели и в пище, которая приготовлялась на монастырские средства, коих он был полновластный распорядитель, и т.п. Понятно, что при пользовании собственностью, которая давала монаху возможность жить на собственные средства, этот мотив к повиновению совершенно устранялся, и самое повиновение, по необходимости, должно было уменьшаться²⁷». То есть автор ставит в заслугу киновии экономическое побуждение к послушанию. В то же время идеалом монашеского послушания является послушание Сына Отцу, так что такой аспект показывает скорее нежелательные стороны киновии. В дополнение к сказанному выше, следует заметить, что в некоторых греческих монастырях нет должности духовника, которая может стать противовесом игуменской. У греков чаще всего сам игумен исповедует братию, то есть одновременно является и духовником, что лучше соответствует духовному смыслу послушания. Это как бы то же самое устройство, что и в келье.

Если суммировать все вышесказанное, то получится, что эти две формы имеют право на существование. И та, и другая имеет свои недостатки. Путь общежития нам более понятен, дает самый быстрый и надежный результат в иноческой жизни. Но стоит сорвать цветок, выросший в этом монастырском саду (берем лучший вариант, что он действительно есть), и цветок тут же засохнет без корня. Идиоритм, базирующийся на свободе, как замечательно сказал архимандрит о подчинении не уставщику, а уставу, не может дать таких хороших результатов, если брать в количественном отношении, но тот цветок, который сумел пустить корень на свободной почве и нашел для себя влагу, безусловно, уже не будет бояться оказаться вне сада. Хуже, как это теперь бывает у нас в России, когда общежитие становится более похожим на

---

²⁶ К. Леонтьев. Панславизм на Афоне. Русский вестник, 1873, т.104, №4, стр. 653-654

²⁷ Н.И. С-ва. Киновия и идиоритм на Афоне. Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. 1908, т. 19, стр. 55 –102

идиоритм, только направляемый железной волей игумена. Еще надо отметить, что греческий идиоритм дал немало святых²⁸.

Но почему же и власти, и Константинопольский Патриарх так усердно стремились к ликвидации идиоритмов? Специальная литература нас с радостью извещает, что идиоритмов на Афоне нет, и последние особножительные монастыри изменили свой статус в 1992 году. Думается, причина не в преимуществах общежительных монастырей, а в их большей управляемости. Ведь вся власть сосредоточена практически в руках игумена: нужно поставить своего игумена, и можно управлять монастырем извне. Ведь именно так и решали свои проблемы Константинопольские патриархи, просто изгоняя непослушных игуменов. Примеры: события в Ильинском скиту, монастырях Есфигмен, Ставроникита. «Благодаря таким действиям²⁹, патриархия получила возможность большего контроля за жизнью главных афонских монастырей, ставших теперь общежительными, поскольку управлять ими гораздо легче, чем идиоритмами»³⁰. Кроме того, власть над Святой Горой находится в руках двадцати игуменов, и путем «расстановки» кадров можно решить все проблемы, вызванные непокорностью афонцев. Так что не монашеская жизнь волнует современного Константинопольского патриарха, а власть над Святой Горой, главным оплотом мирового православия. Уничтожить свободу христианского подвига, учредить монашество «по приказу», для которого главное не стремление к Богу, не свободное выполнение заповедей и монашеских уставов, а подчинение «командующему», имеющему ставку на турецкой земле, уничтожившему весь смысл воинской дисциплины тайными сговорами с врагами.

Возвращаясь к сравнению киновиального и идиоритмического устройства монастырей, заметим: главное, что мы извлекаем из этого сравнения, – это необходимость свободного существования монашества, которое само выберет себе форму, соответствующую своему духовному состоянию. Обратимся вновь к К. Леонтьеву: «Также многие из мирских людей и из монахов слишком уж возвышают киновиальную жизнь в ущерб своебытной и желали бы, чтоб и в России, и на Афоне все обители были киновии. Но толковый почитатель монашеской жизни не должен забывать, что слишком натянутая струна рвется. Не всякий из желающих искренно пострижения и удаления от мирской жизни может сразу понести все стеснения коммунизма киновиального. Иные люди, болезненные, вспыльчивые или непостоянные, при всей искренности своей, на всю жизнь остаются негодными для киновий. Афон именно тем и хорош, что в нем оттенки монашества безчисленны³¹». Кельи, каливы и отшельники хуже поддаются воздействию. Согласитесь, не так легко чем-то угрожать человеку, который отрешился от всего земного. Сейчас поговаривают о введении на Афоне специальных удостоверений для монахов. Таким образом, не получивший подобного удостоверения не будет считаться афонским монахом и может быть спокойненько выдворен со Святой Горы. Так будет решена проблема отшельников-зилотов.

«В своежительных монастырях не видать тех смиренных тружеников на пользу всего братства, тех простодушных лиц, тех робких и долу устремленных взглядов, той неразвязной речи, тех земных поклонов старцу, того духа братского равенства, допускающего трогательную

---

²⁸ «Греческий монастырь – это монастырь плебса и олигархов, и те подвижники, о которых я говорил до сих пор, это толпа плебеев, которые или не могут добиться лучшего положения, или по искренней религиозности, по жажде подвига никакого положения не ищут, позволяют главам монастыря жить в прохладе и сытости, потому что для них эта прохлада и сытость и вообще привилегии сладкого жития не представляют не только предмета желаний, но даже предмета интереса. То что некоторые из предстоятелей хищничают и живут не по-монастырски, трудом и потом остального монастыря, – это с их точки зрения, неважно, даже может быть так и нужно» Архимандрит Михаил. Дух и стиль греческих обителей на Афоне. Сообщения Императорского Православного Палестинского общества, т.18, стр. 1907, вып.1 стр. 27-28.

²⁹ Замена братии монастырей «своими» монахами, которая произошла в 12 монастырях с 1968 по 1986 год)

³⁰ Александр Орешкин: Святой Афон: Православие или смерть?. Интернет. Сайт. Вертоград.

³¹ К. Леонтьев. Панславизм на Афоне. Русский вестник, 1873, т.104, №4, стр. 654

простоту в обхождении со всеми, и наконец того единого и единственного жезла игуменского без всяких наружных украшений, но с внутренней силой, которые я встречал в Руссике. Там напротив, каждый начинающий подвиг иночества уже имеет вид, приличный старцу. Там не редкость видеть трость, украшенную серебром и золотом, в руках не только дряхлеющих, но и цветущих молодостью. Поминутно слышишь взаимные друг друга величания титулом архимандрита, здесь легко достающиеся тому, кто его пожелает. К сожалению, надобно сознаться, что в монастырях подобного рода наравне с заслугою и способностями ценится и богатство. Старость и добродетель вообще занимают второстепенное место в общем мнении, может быть и потому, что суть явления естественныя в человеческом и иноческом житии.

На Афоне, за пределами шумной и страстной суеты мирской, существуют и борются между собой две системы иночества: своежитие и общежитие; и та, и другая имеют свои особенности, свои как бы степени идеализации, но при всем том каждая дает себя понимать под чертами общими, как бы существенными. Первая держится начал свободы, вторая неволи. В своежитии господствуют независимость, предоставление каждому самому думать и радеть о себе и обществе, подчинение уставу, а не уставщику, общему правилу, а не личному произволу, определение себя к тому или другому послушанию разумное, а не бессознательное, и действие вследствие сего усердное, а не наемнически холодное. Приятно вообразать такое жительство. Еще приятнее было бы увидеть его».³²

---

³² Епископ Порфирий (Успенский), История Афона, ч 3., Афон монашеский, СПб, 1892, стр. 554

Греко-русский вопрос

Дореволюционный период

Греко-русский вопрос остро стоял в 19 веке. И сегодня он не потерял значения, хотя острота его и скрыта из-за полной сдачи русскими своих позиций. В этом-то и вина русского священноначалия и патриарха, которого уже перестали почитать на Афоне³³, в отличие от сербского патриарха, почитание которого и не думают прекращать в Хиландарском монастыре. Единственным иерархом, который пытался активно вмешиваться в афонскую жизнь, был митр. Никодим (Ротов). Хотя нам, конечно, неизвестны причины такого внимания. За относительно небольшой срок нами утрачены Свято-Андреевский скит, Ильинский скит (в лице зарубежной церкви), Каруля и не счесть, сколько келий и калив. По данным на 1902 год на Афоне была 31 русская келья³⁴, 183 русские каливы. Всего русских монахов было 3.615 человек, а греков меньше – 3207. В Кромнице проживало 250 человек, в скиту Новая Фиваида – 150 человек, на Каруле спасалось около 40 русских. Такое соотношение, быстро меняющееся в сторону увеличения русского монашества, весьма не нравилось грекам. Греческое монашество в лице своих, конечно же, не лучших представителей всегда плохо относилось к черно-ризмцам других национальностей.

Всегда остро стоял греко-славянский вопрос. Особенно сильно это стало ощущаться в прошлом веке по причине, во-первых, роста греческих националистических настроений, и, во-вторых, из-за большого притока русских. Яркой иллюстрацией являются всем уже известные события в Пантелеймоновом монастыре в прошлом веке. Монастырь пережил настоящее смутное время. Греки никак не могли допустить, чтобы в русском монастыре был русский игумен. Да, что там – никакой должности не хотели давать русскому монаху. Когда же законным образом был избран первый русский игумен, то кучка националистов возбудила греческую братию и отправила делегацию в Константинополь к патриарху, но дело выиграла русские, и монастырь получил первого русского игумена Макария (Сушкина). Эта история приводится почти во всех нынешних книгах о Пантелеймоновом монастыре. А о том, что это был только маленький эпизод из деятельности греческих националистов, стыдливо умалчивается. Проблема эта настолько серьезна, что иным фактам просто невозможно поверить, как-то например: «В конце прошлого века³⁵ в старом Руссике греки перерезали всех русских и закопали их библиотеки и иконы. Но тени убитых стали беспокоить совесть греческую, и они покинули Руссик»³⁶. Вероятно, это только страшная легенда, но удивительно само по себе состояние истории русского Афона, когда невозможно опровергнуть или принять эти сведения. Почему-то этой историей никто долгое время не интересовался. Но следующий факт несомненен: «Недавно Ксенофонтский монастырь оттягал у Руссика целый скит, и тамошние греки из опасения, чтобы скит опять, как-нибудь не перешел во владение Руссика, стали истреблять в нем все русское. При этом они жгли и закапывали в землю русские книги, рукописи, иконы, даже сосуды с русскими надписями, чтобы и русского духа в скиту не осталось»³⁷. Один старый монах передал болгар-

---

³³ До российской катастрофы и в Пантелеймоновом монастыре, и в Андреевском и Ильинском скитах поминали и Государя Императора, и Св.Синод.

³⁴ Путеводитель за 1907 год приводит список из 66 русских келий

³⁵ в 18 веке

³⁶ Благовещенский Н. Афон. Путевые впечатления. СПб, 1864 г.

³⁷ Там же

скому публицисту Даскалову слова греческого монаха: «Не успокоюсь до тех пор, пока не уничтожу хоть одного русского»³⁸. Все эти действия, подобные этническим чисткам современных албанцев в Косово, с трудом укладываются в голове.

Справедливости ради надо отметить, что ныне во многих монастырях, скитах и кельях греческие монахи с радостью показывают русские иконы, сохранившиеся от прежних обитателей. Может быть, и не стоит ворошить отдельные негативные факты? Едва ли, потому что и в нынешнее время все эти проявления не прекратились, а хорошие монахи, не отравленные национализмом, были во все времена. Если отворачиваться от действительности, то этим способом она никак не исправится, а просто мы лишимся правильного представления о ней. И как уже было сказано в начале статьи, рано или поздно все эти противоречия будут использованы нашими врагами. Яркие описания греко-русских и прочих национальных конфликтов мы найдем у упоминавшегося уже здесь богохульника Семенова. Нарисованные им картинки, коверкающие действительность и абсолютизирующие недостатки, легко пошатнут веру у слабых христиан, привыкших смотреть только на красивые афонские виды. Указание на одну из причин национализма греков можно найти у того же Благовещенского: «В Руссике один монах сказал: мы прежде были светилами мудрости земной, мы выработали начала науки и искусства; но потом разные варвары разграбили у нас это богатство. Остались у греков только гордость и честолюбие народное и этого наследия предков не отнимет у нас никто...»

Плохо, когда единственными богатствами народа становятся гордость и честолюбие. Длительное владычество турок привело к обострению националистических чувств у греков. И национализм на какое-то время совершенно отравил их сознание, что привело к трагическим последствиям для Афонской Горы. Освободительная борьба, начатая братьями Ипсиланти, требует специального исследования, и нелегко дать ей оценку. Но, бесспорно, участие в ней монахов привело к многочисленным отрицательным последствиям. «Потом постигло и всеобщее для всей Горы бедствие вследствие вражды между греками и турками, особенно тяжело отразившееся на судьбах Руссика, прискорбных и без этих вышеупомянутых обстоятельств». Так, слишком деликатно рассказывают современные источники о том периоде. Но, к месту ли такая деликатность? Не вредна ли она для современного человека, тем что не дает разглядеть настоящее? Посмотрим дореволюционный материал под названием «Бедствия, накликаемые самими афонцами». «В 1821 году произошло восстание греков. Монастыри были наполнены оружием: пушки в башнях и в прозорах стен имели свои боевые заряды, в монастыре Есфигмен отливаемые были пули, канал Ксероксов был вновь перекопан и укреплен завалами из дерева и камня, и Афон сделался полуостровом. До 6000 греков и их жен укрывались в пещерах и лесах Св. Горы и получали скудную пищу из монастырей, а допитывались кореньями и листьями древесными; наконец, отправлены были на парусниках два отряда для взятия сперва Коваля и потом Солуня. Лучшие духовные старцы не одобряли этих предприятий. Поход на Ковалу кончился тем, что турки отрубили головы вышедшим на берег. Лодки отплыли обратно, а Паша с 4000 солдат прибыл на Афон к Ксероксову каналу, а после незначительной перестрелки рассеял воителей, перешел канал и стал лагерем у первой возвышенности Афона Мегали вигла (Большая стража). Из всех монастырей монахи разъехались в разные страны. Почти опустелый Афон покорился Паше и был обезоружен, а мужья с женами возвратились в свои деревни. 10 лет турецкие малые отряды жили во всех монастырях Афона и сторожили дух эллинского возмущения. Десять лет афониты пребывали в разных странах и преимущественно в Греции (на Святой Горе оставались немногие старцы). В 1831 году Турция оставила Афон, монахи вернулись в обители и учредили празднество в неделю ап. Фомы и особую службу в память освобождения Св. Горы»³⁹. Таково краткое описание событий, захлестнувших Святую Гору.

---

³⁸ Санкт-Петербургские ведомости, 1904 год, №1 10, стр.2

³⁹ Одесский вестник, 1837 г.

Пусть это неприятно, но приходится признать, что виновниками разгрома Афона в те годы были сами христиане и даже монахи, не желавшие жить по воле Божией и подготовившие безобразную смуту.

История сохранила некоторые моменты этих событий. Заговорщики приготовили несколько вариантов начала восстания. Среди них был и такой: надеть янычарские одежды и перерезать турок. Для этого они хотели ночью произвести пожар и убить самого султана при выходе из дворца. Затем следовало немедленно подать сигнал в Солунь ... иверскому архимандриту Никифору, чтобы этот один из главных зачинщиков смуты поднял восстания и в других местах. Иверский архимандрит носил на одном боку Евангелие на ленте, а на другом меч, побуждая своим видом к восстанию. Архимандрит Никифор имел длинную бороду, красное лицо и большие глаза. Всюду его сопровождало до 50 человек стражи. Он призвал на Афон и поселил в Есфигменском монастыре некоего Манолаки, избранного на тайном совете македонским князем. Архимандрит уверял всех, что это благородный купец преследуемый турецким беєм, пока «благородный купец» с угрозой не потребовал от монастырей помощи для ополчения. «Кто вступит в ополчение, тот будет получать по 80 левов в месяц (цена неслыханная)», – прозвучал «благородный» призыв из его уст. И всякие монастырские рабочие и даже келиоты оказались желающими заработать деньги и послужить отечеству. Разумеется, скоро выяснилось, что все это было сказано для подъема духа, и Манолаки не заплатил никому ни копейки. Как водится, в начале нужно поделить власть, поэтому Манолаки приказал убить капитана Ригу, который реально был таким же разбойником, имевшим два вооруженных корабля, якобы для защиты от турок и обложивший данью афонские обители. Рига был не только убит, но голова его была выставлена на позор в монастыре Кутлумуш. Что тут скажешь, ведь Афон оказался в руках бандитов. Манолаки на революционной волне набрал ополчение в 1000 человек из мирян и монахов и ходил воевать на Кассандру. Захватили они с собой и афонские колокола, чтобы повесить их на обращенных в церкви мечетях в Солуне. Имели они и свои штандарты, которые были потом представлены в Константинополь для доказательства участия монахов в этих безобразиях. Новому патриарху Евгению, занявшему место убиенного патриарха Григория V, пришлось доказывать, что это хоругви из афонских метохов. Не нужно говорить, что ополчение было легко разгромлено турками, бежал и Манолаки, скончавшийся затем на судне близ о.Скопель, и архимандрит Никифор. Святая Гора тогда была наполнена мирскими людьми: мужчинами, женщинами, детьми. Благовещенский рассказывает, что сам разговаривал с одной поселянкой, которая во время этих событий проживала на Афоне. Женщинам в это время на Афоне дозволялось жить, только не подходить близко к обителям. А как же вековой запрет? Ведь даже турки воспрещали женщинам бывать на Афоне и, по рассказу Святогорца, бедный ага там томился по служебной надобности без своего гарема. А греческим националистам-авантюристам этот запрет был нипочем. Более того, и в гражданскую войну уже в 20-ом столетии на Афон точно так же хлынули крестьяне с женами. Гитлер же, подобно туркам, запретил вход на Афон женщинам и, вообще, мало досаждал Афону. По воспоминанию старых монахов, немецкие солдаты, заходя в Пантелеймонов монастырь, оставляли оружие на пристани. А единственная память о немецком владычестве – башня на пристани Великой лавры. Получается, что больший вред афонским монастырям наносили греческие националисты, а не Гитлер с турками. Так оно и должно было быть, потому что Господь силен внушить добрые мысли даже самым отъявленным злодеям. Зараженные же национализмом греческие монахи отложили свое упование на Господа и вместе с некоторыми мирскими деятелями уже думали о больших должностях в новом государстве. За это великое наказание и пришло на Афон. Что остается добавить? Остается только спросить, почему и русские исторические описания Афона стараются не заметить этих поучительных событий? Может быть, греки осознали свои ошибки? Ничуть. В современной книжке об Афоне, написанной одним греком на русском языке, читаем: «Греческая национально-освободительная революция 1821 года не могла не

оставить в стороне афонских монахов. Они внесли большой материальный вклад в дело подготовки революции и во многих случаях взяли в руки оружие для борьбы против ненавистного врага. Спустя десятилетия монахи возвращаются на Афон к разрушенным турками обителям и начинают восстанавливать их»⁴⁰. Подтверждение тому, что и после этого страшного урока увлечение национализмом не оставило греческих монахов, мы видим из дальнейшей истории Афона.

Интересно, что миряне жившие в период смуты в 1821 году на Афоне, и содержавшиеся фактически на средства монастырей оплатили монахам черной неблагодарностью⁴¹. Так, уходя, многие из них захватывали монастырские лодки. Затем, когда они вернулись в свои селения и нашли их разоренными, то многие из них занялись разбоем, грабя и своих и чужих. Приезжали на Святую Гору и грабили там монастыри. Так что монахи страдали в двойне от своих, и от чужих. Любопытная деталь, что очистили они Святую Гору сразу после требования Робут-паши, которому принесли повинную в мятеже. А страдания монахов только начинались. Турки пришли на Афон и заняли монастыри. Монахи, предвидя такое окончание авантюры тайно сохранили в одном из монастырей афонского турецкого чиновника Бим-пашу. Паша отпустил себе бороду, иноки спрятали его от повстанцев под монашескими одеждами. Когда же на Афон пришел Робут-паша, то Бим-паше сбрили бороду и представили его турецкому военачальнику, надеясь на нисхождение. Да и сам Бим-паша, питавший расположение к Афону, заступился за монахов. Но судьба его была трагичной. Робут-паша отправил его в Константинополь, и в дороге афонский чиновник был убит по приказу того же паши, боявшегося, что султану станет известно о большой взятке, вытребованной у монахов. Робут-паша разослал по 10 человек солдат по монастырям для изъятия всего находящегося там оружия. Но вскоре кто-то донес, что оружия несравненно больше, и по монастырям прошлось уже по 50 солдат. В лавре и некоторых монастырях было найдено достаточно много оружия. И по афонским обителям разошлось еще по 50 человек. Потом пришло в Хиландарь 8000 солдат, чтобы переночевать. Но на другой день пришли еще 1000, и все стало ясно: Афон был захвачен. Всего по монастырям разместилось 5000 турок. Лаврские проэстосы были брошены в Салоники в тюрьму и почти все погибли. Также были арестованы и афонские депутаты, просившие пашу о снисхождении. Повсеместно шел грабеж: требовали денег. У кого они были – тот платил, и его отпускали. У кого не было – мучили и бросали в глубокий колодец, из которого был виден исходящий свет... Неразумные турки же говорили: «Вот сколько грешны эти люди: и по смерти Аллах казнит их огнем».

Но было и другое знамение, когда отряд числом в 1000 человек вступил уже на границу лаврскую, то одному старцу было такое видение: впереди воинов шел с мечем Ангел Божий. Монах рассказал об этом духовникам, которые истолковали тогда видение так: «знамение это Господь явил для того, чтобы знали иноки, что не попустит Он туркам делать то, что они хотят без Его воли». Можно добавить также к этим богомудрым словам, что это было наказание по воле Божией, подобное вавилонскому плену или краху Российской империи. По свидетельству старца Нафанаила незадолго до нашествия турок на Святую Гору, в Ватопеде один маленький мальчик слышал от иконы Божией Матери глас: «Отцы покайтесь, ибо великое зло грядет на вас». Видение иноку Феофану также хорошо известно, но немногими истолковывается как предостережение. Даже стихии в эти годы явились предсказателями. Так, в ночь с 1-го на 2-е сентября 1820 года над Афоном разразился тифон⁴², покрывший водой Святую Гору от вершины до монастыря Есфигмен. В скиту св. Анны сила тифона проявилась в особенности.

⁴⁰ Панагетис Цацанидис. Афон и русский Свято-Пантелеймонов монастырь. Салоники 1997.

⁴¹ Душеполезный собеседник, 1914, 5, 6, 7, 8. Афонский подвижник-иеросхимонах Константин и его рассказы о событиях на Афоне во время греческого восстания в 1820 годах.

⁴² Тифон (греч.). вихрь, круговотный, жесткий ветер, столбовая-буря, ветроворот; вздымая пыль, пыль, землю, воду столбом, он обращается в смерчь и разрушает на пути свое все (Словарь Даля)

Келью св. Архангелов просто смыло вместе с двумя старцами, унесло все деревья в округе. Такая же участь постигла келью преп. Антония Великого. Вода шла с такой силою, что образовался глубокий ров. Громадные камни поток нес, подобно мелкой гальке. Неподалеку погибло еще две кельи. Не оставил тифон без внимания почти все монастыри. В монастыре святого Павла унесло к берегу две колонны сделанные из цельного мрамора. Там они разбились на мелкие кусочки. В Иверском монастыре уничтожены древние арки водопровода, стоявшие 700 лет, уничтожен весь монастырский сад. В протатском соборе в Карее, плавали стасидии, а вода подходила к самой чудотворной иконе «Достойно есть». В море во многих местах были унесены лодки, снесены арсаны, мулы, люди. В некоторых местах море настолько было завалено деревьями и камнями, что нельзя было даже пробраться из монастыря в монастырь на лодке. Страх во время тифона был неопиcуемый: Афон гудел, земля как бы тряслась от воды, скалы валились, огромные камни неслись вниз».

Отцы, услышав от старца об идущем впереди войска ангеле, успокоились. И действительно, Святая Гора являла на своей земле чудеса. Турки, пришедшие на Афон раздраженными, с намерением причинить много зла монахам, вдруг переменялись, делались несравненно смиреннее, и это можно было назвать великой отрадой для афонцев⁴³. Интересное свидетельство о турках оставил иеросхимонах Константин куцо-влах (македонский молдаванин). Он хорошо говорил по-турецки, поэтому турки часто к нему обращались даже по религиозным вопросам. Ему пришлось разбивать их суеверия. «Скажи нам, правда ли говорят, что у вас монахи не умирают, а перед смертью восходят на вершину и улетают?» Отцу приходится отвечать: «Мы смертны, как и все люди; только умираем с упованием на другую жизнь, жизнь лучшую, – райскую, ради которой в настоящей жизни живем, как вы сами видите, в отчуждении от всего житейского, в лишениях и злостраданиях, ожидая за все это воздаяние от Господа в вечности». Турки спрашивают его о девстве – он отвечает. Желают они узнать о Иисусе Христе – он рассказывает. Потом они говорят: «Нехорошо сделали вы, что восстали на султана. Не хорошо делали и мы, что так притесняли райю⁴⁴ (подданных) христиан». Говорил о.Константий им и о Втором Пришествии, и о Суде. К его удивлению, турки всему верили и слушали с особенным вниманием. Казалось, если бы не приверженность к раздольной жизни, а также и страх перед начальством, то они могли бы обратиться в веру Христову, что между ними иногда бывало, только большей частью втайне.

Сдача оружия продолжалась. Хотя паша уже отправил два больших корабля с оружием в Солунь (а еще больше было потоплено самими монахами в море). По свидетельству Есфигменского игумена Агафангела, турки прекрасно знали, что оружия на Афоне гораздо больше, и стали приступать к инокам, подвергая их пыткам. Миряне же рассказали туркам, где спрятаано оружие, и где потоплено. И турки вылавливали его из моря. Монахам было тяжело от этого предательства мирян, но вскоре они поняли, что скрывать склады оружия бессмысленно, и стали сдавать оружие турецкому начальству.

Одним из самых страшных последствий захвата Афона было то, что паша разыскивал молодых послушников, вывозил их с Афона и заставлял принимать мусульманство. Из 30-40 взятых послушников только один принял мученическую смерть и был изрублен турками. Большинство, приняв внешне мусульманство, бежали потом обратно на Афон и приносили покаяние. И таких монахи принимали обратно, если не в иноческий чин, то хотя бы сардарами⁴⁵.

---

⁴³ Любопытно, что в 2001 году для обеспечения несостоявшегося визита Путина, на Афон заранее были присланы работники сокровенных ведомств. По наблюдению прибывшего туда несколько позже репортера, неделя пребывания на Афоне весьма благотворно повлияла на воинов: они привыкли к монастырским порядкам, монастырская трапеза стала для них привычной, и если бы не конец их пребыванию, некоторые из них стали бы уже посещать и богослужения.

⁴⁴ Райя или *Рая* (арабск. Ra'aja – множ. число от слова ra'ijet – «стадо») – в Турции служит как собирательное имя для обозначения всех вообще немагометанских подданных падишаха... Словарь Брокгауза и Ефрона

⁴⁵ Так называются афонские стражи. Охранники, которые играли роль своего рода афонской полиции. Набирались только

По свидетельству иеросхимонаха Константия только в лавре помещалось 800 солдат. Около лестницы, ведущей на архондарик, он увидел подвешенного за ноги к дереву ризничего лавры. Руки его были связаны на спине, а под ним дымились объедки мулов. Его страдания усугубляли едким дымом, требуя чтобы он выдал сокровища лавры, которые, согласно поступившему доносу, равнялись богатству целого государства.

Такая армия требовала много провизии, и турки буквально нападали на монахов требуя денег, риса, кофе. Прибегали и к жестокостям: ножами резали руки и ноги, били палками. Афонским отцам приходилось стирать солдатское белье, носить дрова, варить еду, быть у турок вместо прислуги. В итоге турки почти совершенно обобрали монастыри. Растащили даже посуду, медные подсвечники и паникадила. Срывали свинцовые крыши и лили из них пули. Многие из них кощунствовали: курили в алтарях, сидели на престолах. В скиту св. Анны выдирали из Евангелия листки и использовали их как пыжи для ружей. В Дионисиате из белых фелоней сшили себе верхнюю одежду. Самым ужасным было предательство своих же братьев-монахов. Так однажды лаврский проэтос сказал турецкому начальнику: «Что вы смотрите на скитян? Не верьте у них есть и золото!». В скит св. Анны явились солдаты стали требовать золото, которого не было. Старцев связали и посадили в самый низ пирга, где протекала смрадная вода. Когда проэтоса стали обличать за его донос, он стал говорить, что нужно помогать монастырскому начальству. Хотя было прекрасно известно, что главнейшим виновником смуты было начальство больших монастырей. Этот проэтос был наказан за свое предательство и скончался ужасной мучительной смертью от расвирепевших турок в Солуне. Старцы были выпущены едва живыми, продали все оставшееся у них и отдали туркам.

Несмотря на хороший урожай в тот год, муки не хватало. И монахи изготавливали хлеб из толченого каштана. Такой хлеб имел темно-красный цвет, не пекся, а жарился и разваливался на куски. Впоследствии его стали мешать с тыквой и семенами какой-то травы. В то время были случаи и голодной смерти. То, что не отобрали турки, воровали разбойники. В это время ни водный путь, ни пеший не были безопасными. Стоило монаху купить, что-либо в Карее, как на его пути вырастал разбойник отбиривший все подчистую. Частенько монахам приходилось спасаться бегством вместе с приставленными к ним для охраны турецкими солдатами. Разбойники, вчерашние повстанцы, действовали нагло⁴⁶. Например, со временем количество солдат, присланных для охраны, в скиту св. Анны сократили до 10 человек. Об этом проведали разбойники и напали на скит. Турки оказали слабое сопротивление. Разбойники прошлись по всем кельям скита, забрав, все что там еще оставалось. Интересно, что они применили довольно оригинальный прием. Заняв кириакон, они ударили в колокол, зная, что их соотечественники (не поворачивается язык назвать их единоверцами⁴⁷) соберутся в собор. Когда это произошло, то они всех связали. А сами спокойно разошлись по пустым кельям для грабежа. Случались недоразумения. Некоторые мирные жители, спасаясь от разбойников, наивно пытались найти убежище на Афоне. Турки же принимали их за самих разбойников и частью убивали. Частью продавали в рабство.

из христиан.

⁴⁶ Французские историки Лависс и Рамбо, которых можно считать относительно беспристрастными в этом вопросе, дают следующую характеристику повстанцам: «Все греческие моряки были в одно и то же время и патриотами и пиратами. Под прикрытием военных действий против неприятеля корсары Архипелага захватывали без разбора суда всякого происхождения и всех национальностей». (История XIX века т. 3, стр. 148-149). А в дальнейшем эти патриоты, по сути просто революционеры, когда дело их было проиграно, стали заниматься более свойственным им делом: грабили и продавали в рабство своих братьев и даже единоверцев – афонских монахов.

⁴⁷ Автор «Записок инока-афонца о своем путешествии по святогорским обителям и пустыням ...», повествуя о неисчислимым страданиях афонских монахов от турок, и даже более от разбойников, считает необходимым сделать оговорку: «Выше, кажется, уже было говорено, что собственно разбойниками и тогда и теперь называются не турки, а христиане и единственно греки, которые в то время, беспощадно убивая везде попадавшихся турок, и разграбляя их имущества, ни сколько не щадили и христиан, и монахов, вымогая у них деньги и пожитки». Душеполезный собеседник, 1904, №9, стр. 272.

Среди пиратов особенно прославилась одна четверка. Состав ее любопытен. Трое из них Чакал, Кулакита, Парномус (греч. незаконный) назывались капитанами, а четвертый, предводитель джентельменов удачи, был монахом из карейской кельи, принадлежащей Святопавловскому монастырю. Турки никак не могли справиться с этими разбойниками. И пошли на мирные переговоры. Оставив пятерых турок в качестве заложников у разбойников, пригласили главарей в Кутлумуш к главному турецкому чиновнику. Разбойники явились. Чиновник стал убеждать их бросить свое дело, объясняя, что у турок нет большого желания пребывать на Афоне и гоняться за ними вместо того, чтобы жить дома и заниматься хозяйством. Выслушав это увещание, разбойники все равно стали продолжать свои занятия. В том числе и монах. Иноки всеми средствами убеждали его обратиться к молитвам и посту, а не разбою, но он не желал их слушать, пока с ним не произошел случай, вразумивший его. Однажды разбойники отдыхали в одном из своих убежищ. Надо сказать, что порох они хранили особым способом: в высушенных дынях, предварительно очищенных от сердцевины. Один из разбойников, балуясь, тыкал шомполом в одну из дынь. Порох взорвался, но никому не причинил вреда, только ружье одного из разбойников неожиданно выстрелило и ранило в плечо злополучного монаха. Рана была легкой и монах быстро поправился, но через некоторое время оставил свое не монашеское дело, приняв это случай за Божие указание. Он вернулся в свою келью и через некоторое время умер в покаянии.

Казалось бы, катастрофа 1821 года должна была многому научить афонских монахов, но когда началась другая авантюра в 1897 году⁴⁸, Афон опять оказался в центре событий. Хотя он был вне опасности военной, но оказался в самом центре событий в духовном смысле. И опять искушение национализмом захватило греческую душу. Среди греческих монахов развернулась агитация, активно проводимая некоторым народным обществом («эфники Этерия»), которое и втянуло Грецию в очередную авантюру. И греческие монахи тут же сбросили с себя монашеские одежды и отправились в греческую армию. Таких оказалось не менее 300 человек. То, что иноки так просто променяли духовную брань на физическую, считая последнюю более эффективной, говорит о плачевном состоянии греческого монашества в то время. Дух национализма захватил и более почтенных монахов, и дело дошло до того, что даже Протат прекратил свою работу, и в то время афонская республика оказалась фактически без власти, так как не было известно когда антипросопы снова смогут собраться вместе. Ведь национальный конфликт был гораздо шире и глубже, чем неприязненное отношение греков к русским или болгарам (так же, как, впрочем, к грузинам, сербам, румынам, то есть ко всем национальностям). Неприязнь дошла до того, что среди самих греков произошло разделение на греков «элладских» и «турецких». Первые составляли в то время братства монастырей: Дионисиата, Кутлумуша, св. Павла, Есфигмена. «Турецкие» греки населяли Лавру, Иверон, Ватопед. Вероятно, это разделение и было причиной паралича Протата. Грекам-фанариотам сильно вредила освободительная борьба Эллады. До сих пор некоторые греки сетуют, что авантюра 1821 года подорвала мощь фанариотов, которые уже фактически держали в своих руках бразды правления турецкой империи.

Самое страшное, эти настроения отразились и на отношении к русским насельникам. В действительности, уже накануне этой войны афонские греческие монахи собирались на совещание, намереваясь в случае объявления войны неожиданно напасть на русских монахов и всех их перебить, а над русскими монастырями водрузить греческое знамя⁴⁹. Этого не произошло: планы остались планами. Но сильное возмущение в среде греческих националистов-мона-

⁴⁸ Здесь мы ничего не говорим о другой авантюре 1854 года. Войско партизан под предводительством Чама пришло на Афон с целью привлечь монашествующих в свой отряд и развернуть военные действия в Уделе Божией Матери. Только благодаря заступничеству Божией Матери эта история не закончилась трагически для Руссика и др. русских обитателей. К Свету вып. 18, История Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря 172–178.

⁴⁹ Санкт-Петербургские ведомости 1904 год, № 110, стр. 2

хов вызвали слухи, пришедшие с острова Кандии, где русской эскадре, чтобы спасти Грецию от полного разгрома, пришлось участвовать в усмирении греческих повстанцев. Из-за всяких легенд и преувеличений положение было черевато очередной вспышкой. Потом, правда, когда Афон оккупировали в 1912 году, греческие командиры благодарили Россию в лице русских монахов, что Греция была спасена вмешательством нашей великой державы. Но Бог миловал и, более того, возникшая напряженность имела положительный результат – объединение русских афонских иноков в братство русских келий.

Страшное свидетельство более позднего времени об утрате православного единства приводят Санкт-Петербургские ведомости: «Когда здесь (на Афоне) было получено печальное известие о трагической кончине Макарова, греческие монахи на каждом шагу кричали: «Да здравствует Япония! Долой Россию⁵⁰!». Не надо напоминать, как тяжело переживала гибель адмирала Россия. Таким образом, горе одного православного народа стало радостью для другого.

Национальные конфликты иногда выливались в настоящие побоища. И это могло поколебать веру людей, идеализирующих афонское монашество, забывающих или не знающих о другой брани, никогда незатихающей на Афоне – брани с духами, в которой не всегда люди бывают победителями. Об одном таком побоище, очевидцем которого был он сам лично, писал в софийской вечерней газете в 1904 году известный в Болгарии публицист и литератор П. Даскалов. «На второй день Пасхи из протатского храма выносятся чудотворная икона⁵¹. Крестный ход останавливается и в Андреевском скиту, и там служитя молебен. В благодарность русские монахи угощали греческих, давали им подарки и даже деньги. В прошлом году почему-то греки не приносили икону в русский скит. Но в этом году они заранее известили русских, что по старому обычаю останутся в этом скиту. Получив это известие, русские еще заранее послали в Карею угощение, подарки и деньги. Но когда крестный ход направился к Андреевскому скиту, он был остановлен на середине дороги толпой греческих монахов, вооруженных кинжалами, ножами и револьверами. Завязалась рукопашная между теми и другими греками.

– Зачем вы несете русским икону, – закричали вооруженные греческие монахи. Набросившись на своих братьев, они многих избили и ранили... Сопровождающие крестный ход монахи в испуге разбежались. Икону рвали на все стороны... Револьверные выстрелы подняли тревогу в Карее, откуда на место происшествия прибыли турецкие полицейские власти. Русские же монахи Андреевского скита, вышедшие навстречу крестному ходу с чудотворной иконой, возмущившись случившимся, вернулись в скитский собор и отслужили молебен без иконы».

Споры, носить или не носить русским монахом икону, продолжались более пятидесяти лет. Начались они со времени основания скита. Вот как описывает летопись Андреевского скита встречу иконы: «В Светлый Понедельник сподобились посещения Божией Матери, Ея чудотворной иконы, именуемой «Достойно есть». Была преславная встреча, мы ходили на встречу до самого креста во всем облачении с крестами, иконами и хоругвями, и когда икона стала приближаться, то мы с нашей стороны для большего церемониала приказали (сардарам) выстрелить более нежели из 12-ти ружей, по соединении начали христосоваться по обычаю, разменялись крестами и иконами и пошли в скит. Было сардаров более 30 человек, кои всю дорогу стреляли. Вошли в главную трапезу совсем освященным собором, было молебенствие, и было уготовано велие утешение для всех священнослужителей, монахов и прочих. Все остались премного благодарны; после трапезы паки проводили до верхнего креста, а там разменялись крестами и возвратились. Сие третие было посещение, решили так и на будущее время»⁵².

---

⁵⁰ Там же

⁵¹ Вероятно, Божией Матери «Достойно есть»

⁵² Летопись Свято-Андреевского скита, стр. 174. Письмо о. Виссариона о. Феодориту 1853 года.

Но проходит год или два и греки по неизвестным причинам не желают идти с иконой к русским. Остается предположить, что греческое братство часто попадало под власть энергичных, но недалеких не только в духовном, но и умственном отношении монахов.

Противоречия между греческими и русскими монахами, кажется, лежат уже в самом взгляде на монашескую жизнь⁵³. Русские монахи стали активными проповедниками общежительного устава. Даже кельи быстро превращались в маленькие монастыри. У греков общежитие в те времена находилось в упадке⁵⁴, идиоритмические монастыри иногда проповедовали роскошь и беззаботность. Многие, писавшие в прошлом веке об Афоне, отмечают, что по внешнему виду можно было легко отличить, к какому монастырю принадлежит монах. В прошлом веке идиоритмические монастыри преобладали над общежительными. По этой причине и происходил быстрый рост Пантелеймонова монастыря, который в то время был одним из немногих, придерживающихся общежительного устава, и ревностные греческие монахи с радостью приходили в него.

Постепенно Пантелеймонов монастырь, вернее, его русская составляющая, вызывает все возрастающее недовольство греков. Им не нравится, например, что монастырь является питателем сырых и убогих. В начале 20-го века протат даже запрещает раздавать милостыню. Совершается чудо: приходит Сама Божия Мать и смиренно принимает укрук, показывая тем самым, что не должно прекращать богоугодного этого дела. Но не внемлют этому игумен и старшая братия и подчиняются не Божией Матери, а людям, ослепленным ненавистью. Как это характерно и для нынешнего времени! Сейчас главной добродетелью является внешнее спокойствие, отсутствие конфликтов, возможно, эта политика сглаживания острых углов и является причиной нынешнего оскудения русских обитателей. Потому, вероятно, до сих пор в Пантелеймоновом монастыре тридцать братьев, что не хочется возбуждать греков. Да и управлять малым количеством легче: меньше людей – меньше конфликтов.

В девятнадцатом веке русские не очень боялись греков, но почти каждый шаг вызывал противодействие части греческого монашества. Панику вызывает то, что вблизи Афона русские пароходы делали остановки. Стали просить Руссик, чтобы тот отказал парокходству, но монастырь не согласился, и несколько греческих монастырей сразу заручились поддержкой и покровительством Англии. Тут, конечно, надо отметить, что пароходы принесли некоторый соблазн в афонскую жизнь. Это и может быть поставлено в вину русскому монашеству. Хоть пароходы останавливаются на положенном расстоянии, но насельники Святой Горы теперь слышат, как женщины, что-то поют, видят, как они торчат на палубе, стараясь что-то узреть на Афоне. Для светского человека в этом нет ничего удивительного, но для афонцев, не покидавших 20, 30, 50 лет эту святую землю, это, разумеется, соблазн. Доходило дело до курьезов. Однажды с парохода вместе с прочими паломниками сошла на пристань Руссика жена капитана парохода, женщина молодая и красивая. Вместе со всеми она попыталась войти в монастырь, но монахи перед ее носом захлопнули порту (ворота). Капитан стал возмущаться, но ему объяснили, что даже турки не позволяли женщинам ступать на Афон. Но эта дама не захотела оставить монастырь в покое и под руку с каким-то франтом совершила паломничество вокруг него, освежилась водой из святого источника, нарвала цветов, села против монастырских ворот и стала лорнировать встречных монахов. Этот визит вызвал бурю среди афонского монашества.

---

⁵³ По мнению многих посетителей и исследований Афона, различие русских и греков проявляется во всем: и в собственно монашеской жизни, и в отношении к аскетизму, убранству храма, пению и даже к пище. Так, многие монахи Руссика жаловались, что не могут есть острую греческую пищу. Пение греческое у многих русских просто вызывает раздражение. «Внутри монастыря все темно и сурово ... Все одного типа. Здесь много роскоши в этих мраморных разноцветных инкрустациях пола, много изящества в резьбе стасидий и чрезвычайно много художественности в живописи. Но в общем все-таки здесь холод безразличия, холод отречения». – пишет архимандрит Михаил, русский монах-паломник приехавший на короткое время на Афон. Он даже вменяет в вину грекам излишнее стремление к аскетизму. Но, конечно, эти различия не повод для вражды. Просто он подчеркивает мысль: чтобы избежать искушений, лучше монахам разных национальностей жить отдельно.

⁵⁴ Правда, как отмечал К.Леонтьев, некоторые общежительные греческие монастыри еще строже Руссика.

Но это был единичный случай, более демонстрирующий рост секулярных, или даже просто атеистических, настроений в русском образованном обществе, чем целенаправленное воздействие на афонскую жизнь. Справедливости ради надо отметить, что когда подобным образом некий английский лорд со своей супругой решил прогуляться по монастырю Дионисиат, ему была подготовлена более «достойная встреча», на которую братия монастыря вышла с камнями и палками. Эти наглядные аргументы оказались, в отличие от предварявших их словесных, весьма убедительными, и лорд быстро ретировался, по случаю чего в монастыре был отслужен благодарственный молебен. Афонское предание передает, что пароход после этого затонул, а жена лорда будто бы погибла.

Но не следует думать, что это недовольство пароходами происходило от нежелания пользоваться достижениями цивилизации. Прекрасной иллюстрацией тому является нынешнее время. Прошли года, и Россия обеднела, Греция наоборот приблизилась к европейскому образу жизни. И вот мы видим, как греки возводят комфортабельные здания, нарушающие не только афонские традиции, но даже ландшафт. Кельи с белыми стенами и крышами с красной черепицей выглядят, как загородные виллы. Не нужно говорить, что эти замки снабжены новейшими удобствами.

В древности многие монастыри, которыми сейчас владеют греки, принадлежали другим православным народам, либо имели значительную часть братства другой национальности. Примеры: Иверский⁵⁵, св. Павла⁵⁷, Григориат⁵⁸, Дионисиат. По этому поводу многие русские

⁵⁵ В своих записках студент КДА Авксентий Стадницкий отмечает (стр.96): «В настоящее время в Ивере гостит профессор Санкт-Петербургского университета А.Цугарелли для исследования документов по так называемому Иверскому делу. Дело это возникло или возгорелось по самому ничтожному поводу, как передавал мне о.Товия. Ивер – собственно грузинский монастырь, как и само первое название это показывает. Затем, он был захвачен в свои руки греками, которые выгнали оттуда грузин. Грузины поселились недалеко от монастыря в келье, которая и называется «грузинскою». Грузины пожелали построить в своей церкви купол, а иверцы не позволили. Взволновались грузины, видя такую несправедливость, и решили повести дело: они хотят документально доказать свои права на владение монастырем. Неизвестно, чем все это кончится». Это так называемый грузинский процесс. Иверский монастырь был основан в X веке грузинами, отцом и сыном – Иоанном и Евфимием. Быстро достиг расцвета в XI и XII веках, во многом благодаря оживленной книжно-литературной деятельности Григория Мтацминдели и других. Отобран греками в восемнадцатом веке.

⁵⁶ Когда в двадцатые годы 19 столетия Афон был захвачен турками после известной уже нам авантюры, все греческие монахи разбежались из Иверского монастыря. «Остались в обители только грузины и в числе их знаменитые грузинские подвижники – иеромонахи Иларион и Венедикт, не испугавшиеся встретиться с врагом лицом к лицу. Производя на всех окружающих глубокое влияние своей строгой подвижнической жизнью, они сумели подействовать словом убеждения даже на такого свирепого ренегата, каким был начальник турецких войск на Афоне Лабут-паша, грузин по происхождению, и тем спасти от разорения не только Иверский, но много других монастырей». После ухода турецких войск, когда Божия Матерь соизволила очистить свой Вертоград, о чем говорит известное видение, греческие монахи в 1830 году овладели монастырем. В 1834 году они прогоняют грузинских монахов в близлежащую келью св. Ильи. В 1861 году умирает старший из четырех оставшихся братьев кельи – иеросхимонах Венедикт. До этого момента братия кельи получали небольшие доходы от монастыря и служили в Портаитисской церкви. После смерти великого старца милостыня из монастыря прекращается, монастырь больше не принимает грузин даже в качестве послушников, не принимает и паломников грузинской национальности. Вскоре после этого греческие монахи уничтожают даже надписи на грузинском языке. Монастырь становится полностью греческим. *Натроев А. Иверский монастырь на Афоне, в Турции, на одном из выступов Халкидонского полуострова, стр. 355 1910, Тифлис.* Можно было бы обвинить автора в пристрастности и объяснить дело так: монахи – грузины, стоворившись с единоплеменником-пашей, избавились от греков, а после ухода турок, возмущенные предательством греки изгоняют грузин. Можно было бы предположить такое, если бы иеромонахи Иларион и Венедикт не были великими подвижниками, которых не так уж много можно насчитать в 19 столетии (хотя и не так уж, к счастью, и мало). Во многих жизнеописаниях «Подвижников XIX столетия» мы встречаем упоминания о них. Известно, также, что духовник русского монастыря, Иероним, специально направлял иеросхимонаха Пантелеймона (Сапожникова) к отшельникам, знавшим о. Илариона, чтобы собрать материалы для составления его жития. Но, к сожалению, неизвестно, во имя чего даже в такой замечательной книге как «Подвижники XIX века» приводится ложная информация. Это делает изложение скомканным и принижает подвиг святых старцев. «В признательность за его (о.Виссариона) услугу и за жертву, монастырь предоставил ему на выбор одну из двух келий: св. пророка Ильи или св. Василия Великого». (Стр. 32)

⁵⁷ «Святопавловский монастырь, по свидетельству нашего известного путешественника Василия Плаки-Григоровича-Барского, еще в 1744 году населенный сербами, в XIX столетии перешел в руки греков, всячески стремившихся стереть со стен обители всякие следы и даже память об прежних владельцах, пока не пришла на помощь им огненная стихия, истребившая и эти красноречивые остатки жизни славянских насельников и даже большую часть монастыря». *Дмитриевский А.А. «Афон и его новое политическое международное положение» Сообщения Императорского Православного палестинского Общества,*

делали некоторое прискорбное наблюдение: «Если несколько греков поступит в какой-нибудь славянский монастырь, то они, приглядевшись, начинают понемногу переманивать туда и других земляков своих и с изумительным терпением добиваются того, чтобы власть игуменская перешла в руки грека. Лишь только удается это, греки свободнее вступают в свои права и вместе с игуменом так ловко поведут дела, что редкий старожил уцелеет в обители. Захватив монастырь в свои руки, греки начинают истреблять все, оставшееся от прежних владельцев. Таким образом несколько чужеземных монастырей на Афоне перешло в вечное владение греков.

Славяне, напротив, поступив в греческий монастырь, играют в нем незавидные роли и по простоте своей скоро ступшеваются и свыкаются со своим положением. Греки не поручают этим пришельцам никакой должности, не позволяют им даже служить на своем языке и требуют строго подчинения своим правилам и обычаям... Некоторые славяне поселяются в греческих обителях в виде особенного подвига, чтобы наказать себя за прошлые грехи»⁵⁹. Желая убедиться в правильности этих слов могут обратиться к истории Пантелеймонова монастыря прошлого века. Можно посмотреть и на современных насельников негреков.

Притеснения греков со временем только умножались. Митрополит Арсений (Стадницкий), первый раз посетив Афон еще студентом, вспоминает: «Отец Товия (игумен Ильинского скита рассказывал, что пантократовцы (греческие монахи монастыря Пантократор) не позволяют им ничего выгружать и недавно потопили сено, привезенное для обители из их метоха (дачи) на острове Тассо»⁶⁰. Не давали также они ломать камня для постройки заложенного в 1881 году собора. Впрочем, все это уже неново и неинтересно. Интересен вывод, который делает будущий владыка. Вывод для нас очень характерный, и к которому нам ради смирения так хотелось бы придти. «Не возлагая в данном случае вины исключительно на греков, я позволю себе только спросить: не виновны ли в данном случае и сами ильинцы». Напрашивается вывод: сами и виноваты. И мы попадаем на привычную русскую стезю – во всем считать себя виноватыми. Задумаемся на минуту, скольким мы обязаны грекам. Ведь само православие приняли мы от них. На Афоне они хранили отеческие предания. Сколько святых породил греческий Афон! Множество истинных подвижников греков не имело своей части в этой вражде, даже, наоборот, игумен Руссика Герасим немало приложил усилий, чтобы Руссик действительно стал русским монастырем. Надо отметить, что во времена инока Аникиты (Ширинского-Шихматова) наши соотечественники показали себя не с лучшей стороны. Когда старец Аникита вернулся из вынужденной отлучки, он был вынужден вновь увести русскую братию из-за недостойного поведения некоторых ее членов. Игумен же Герасим неоднократно предпринимал попытки наполнить Руссик русскими. Так он в качестве духовника принял изгнанного начальника Ильинского скита иеромонаха Павла. После кончины последнего духовником был сделан о. Иероним. Наконец, своим приемником, наместником игумен Герасим избрал русского иеромонаха Макария. Святогорец описал в одном из своих писем следующее явление Божией Матери одному греку. Этот благочестивый отец видел сонм святых вокруг Небесной Царицы, но обратив внимание на ряды святых, был немало огорчен, увидев, что в самых возвышенных рядах были русские, ниже болгары, сербы и другие славяне, а ниже всех греки. «Место это Святая Гора, а пришельцы...». Не успел он задуматься далее, как неведомый голос

1913, т. 24, вып. 2, с. 233

⁵⁸ Монах Исаак из Хиландарского монастыря упоминает 5 сербских монастырей: Хиландарь, Святого Павла, Григориат, Дионисиат и Дохиар. Симон-Петр и Филофей одно время были болгарскими монастырями. Каракал – албанским. В актах Зографского монастыря от 1513 года перечисляются 7 монастырей, которые имели славяно-говорящие братства: Зограф, Ксенофонт, Ксиропогам, Святого Павла, Григориат, Кутлумуш и Костафонит. В 17 веке Ксенофонт и монастырь Святого Павла были славянскими. *Е.А. De Mendieta. Mount Athos: the garden of the Panaghia. Berlin akad. Amsterdam. 1972*

⁵⁹ Благовещенский Н. Афон. Путевые впечатления. СПб, 1864 г

⁶⁰ Московский журнал. 1994, №2

объяснил ему, что русские как пришельцы терпят больше неприятностей, что возвышает их перед Богом.

И в наше время автору приходилось встречать среди греческих монахов истинных почитателей России, некоторые из них знают нашу страну не со слов, неоднократно бывали в России, посетили все знаменитые русские обители. Но есть и те, которые ворочают нос от русских монахов.

Справедливости ради надо отметить, что не только греки проявляли национальную нетерпимость. Известны и сербо-болгарский конфликт⁶¹, и конфликт между великороссами и малороссами⁶². Почему же особое внимание мы здесь уделяем именно национализму греков? Потому что эта пагубная страсть, захватившая часть афонитов-греков, была ловко использована темными силами и привела к трагическим последствиям для Афона – к ослаблению афонского монашества.

Весь девятнадцатый век, да и начало двадцатого, был наполнен борьбой греческого народа против турецкого владычества. Россия активно поддерживала освободительную борьбу греческого народа. На фоне этого справедливого дела начинается борьба за раздел сфер влияния. В события активно вмешиваются Франция и Англия. Все опасаются Русского влияния в юго-восточной Европе. Начинается игра на слабости греческого народа, на его национализме, выросшем из чувства обиды за униженное положение своего некогда великого народа. Нагнетаются русофобские настроения. Не избежал этого и Афон. Не верите? Возьмем несколько номеров «Церковного вестника» за 1888 год. В номере 20 приводится цитата из «Восточного обозрения» (Revue d'Orient): «Сообщаем любопытные известия о предстоящем превращении Афонской горы в сильную и хорошо снабженную людьми и амуницией русскую крепость. Гора Афон до семидесятых годов была республикой греческих монахов. Но в 1876 году русское правительство конфисковало значительное количество русских земель, принадлежащих афонскому ордену (?) в России. Доходы с этих земель обращены в поддержку тех русских монастырей, которые стали возникать на месте греческих. Теперь на Афоне находится не менее 2500 русских монахов под командою (?) генерала Асымова (?), который превратил монастырь в крепость. Правда, есть еще 17 монастырей, где живут престарелые греческие монахи. Но и оттуда их вытесняет русский консул, и скоро кончится тем, что и эти монастыри станут при-

---

⁶¹ Вот что сообщает солидный журнал палестинского общества о болгаро-сербском конфликте. «Война вызвала печальные столкновения даже среди монахов Святой горы Афона. Афинские газеты сообщают, что болгарские монахи монастыря Зограф, пылая враждою и ненавистью к сербам, напали на сербский Хиландарский монастырь и пытались выгнать отсюда сербских монахов и захватить в свои руки эту древнюю обитель. Сербы оказали болгарам отчаянное сопротивление и отбили нападение внезапных врагов. Тогда болгары предприняли правильную осаду Хиландарской обители. Но сербы так энергично защищались, что болгары были вынуждены снять осаду. В этом деле сербам оказали помощь греческие солдаты. Прежде чем удалиться от осажденного монастыря болгары подожгли его. Пожар был потушен, и Хиландарская обитель спаслась от дикого нашествия болгарских монахов. Лишь в периоды нашествия безбожных сарацин да жестоких пиратов сербский Хиландарский монастырь испытал такие бедствия, какие в 1916 году выпали на его долю от изменников славянства – болгар. История Афона никогда не забудет предательства этих врагов славянского мира» Сообщения Императорского Православного палестинского общества, 1916, т.27, стр. 334. Этот эпизод автор приводит не для того, чтобы развенчать афонских монахов. А чтобы показать реальную афонскую жизнь, в которой часто случаются искушения. Чтобы избежать подобных искушений, надо быть к ним готовым, а для этого надо знать болезнь. Болгарские монахи многое сделали для Афона в 19 веке: не только Хиландарский монастырь, но и русский скит Ксилургу сохранились благодаря болгарским насельникам, которые поддерживали эти обители в период безвременья. Но мир не так далек от Афона, как хотелось бы. Начинаются политические события и плохие монахи, более интересующиеся газетами, а не Священным Писанием и святыми отцами, быстро попадают под влияние этих событий. Но самое страшное, когда в обителях нет должной духовной обстановки, тогда подобные монахи становятся лидерами и зажигают большую часть братства. Перед нами пример духовного оскудения, заразившись мирским духом, болгарские монахи решили вернуть «свою» Хиландарскую обитель.

⁶² Собственно говоря, конфликт состоял в том, что иеромонах Павел был выгнан с братией из Ильинского скита. Не смог там быть игуменом даже великий (так его называли греки) старец Арсений. Он со своим сподвижником был оклеветан малороссами, и ему пришлось пешком пройти до Константинополя, чтобы оправдаться перед Константинопольским Патриархом. Донос заключался в следующем. Умер на Афоне один монах из Саровской пустыни, и после его смерти нашли у него листовку. Малороссы подняли шум, что де он –раскольник и все великороссы – раскольники. Цель была выгнать всех великороссов с Афона.

нимать русских богомольцев, а эти последние ничто иное, как русские нижние чины, находящиеся в отставке».

В 21 номере продолжение: ««Восточное обозрение» пустило в ход следующую фабулу. В афонских монастырях будто бы состоит в настоящее время 2500 русских монахов, в числе которых некто «брат Мина⁶³», который был прежде чиновником генерального штаба. И генерал (?) Ашинов⁶⁴ яко бы избрал священный полуостров местом для своего весеннего пребывания. Русский генеральный консул в Фессалониках г. Ястребов обратился будто бы к игуменам 15 греческих монастырей с предложением, чтобы они приняли русских монахов, обещая им новые имена, а так как это предложение было отвергнуто, то он оклеветал греческих монахов перед турецкими властями с целью устранения их и замены русскими. . . По поводу этой фабулы «Неа имера» замечает: «Сообщения «Восточного обозрения», кажется, сбиваются на басню. Так как приближается новый восточный кризис, то снова, как было 15 лет назад, пускаются в ход усилия посеять плевелы между русскими и греками. Но горький урок пошел грекам впрок. Мы не настаиваем на том, что Россия питает огнепальную любовь к грекам, но из горького опыта мы знаем, что и в других местах не питают к ним особого расположения» . . . Басню «Восточного обозрения» не стоило бы опровергать ввиду ее очевидной нелепости. Но злостные ковы некоторых врагов мира на востоке отмечены газетой совершенно верно и должны быть приняты к соображению и русскими, и греками, и ближайшим образом на самом Афоне». Да, действительно, стоит ли столько внимания уделять явным басням? Но, читаем дальше в 22 номере: «С прискорбием должны заявить, что эта возмутительная нелепость обошла все даже церковные иностранные газеты, и теперь мы прочитали ее дословно в такой серьезной немецкой церковной газете, как «Евангельско-Лютеранская Церковная Газета» и притом в такой категоричной форме, без указания даже на источник, что как будто тут предлагается вниманию читателей положительный и проверенный редакцией факт. Это печальное явление поистине показывает, до какого политического озлобления дошел инославный запад по отношению к православной России» . . . Да, какой печальный факт! Да стоит ли столько внимания уделять этим нелепостям? Ведь газеты всегда врут. Активно ввалили они и ранее, и только чудо спасло русский монастырь. «В минувшую русско-турецкую войну греки опубликовали в константинопольских газетах, что русские иноки – заговорщики, что в их монастырях целые арсеналы, и все они собираются для совещания в Пантелеймоновом монастыре под председательством о.Иеронима, монастырского духовника. На Афон на военном пароходе прибыл паша, осмотрел, перетрусил, но ничего не нашел и настолько был очарован о. Макарием и престарелым духовником, что, поехавши в Константинополь, исхлопотал о.Макарию перед султаном высокий орден Меджидие»⁶⁵. Но эта и подобные ей компании совсем небезобидны и часто приводили к трагическим последствиям для русского монашества. Так, усилиями графа Н.П. Игнатьева в Сен-Стефанском договоре 1878 г. был 22 пункт, по которому Андреевский и Ильинский скит становились монастырями, равноправными с другими 20 монастырями Афона. «Афонские монахи русского происхождения сохраняют свои имущества и прежние льготы и будут продолжать пользоваться в трех монастырях, им принадлежащих, и в зависящих от них учреждениях теми же правами и преимуществами, которые обеспечены за другими учреждениями и монастырями Афонской горы». Это было, конечно, хитростью. Не было возможности провести такое решение через протат, в котором главенствовали греки, и русский дипломат решил закрепить в международных соглашениях за русскими скитами статус монастырей. Если бы поправка прошла, то скиты были бы признаны всеми европейскими державами монастырями. Это заставило бы националистов в

⁶³ Видимо, под «братом Миной» имеется ввиду монах Мина Благовещенской кельи в Карее, где старцем был иеросхимонах Парфений, бывший подполковник Котельничский, – участник Севастопольской кампании и русско-турецкой войны 1878 года

⁶⁴ Имеется в виду казачий атаман Николай Иванович Ашинов. См. статью «Два друга»

⁶⁵ Авксентий Стадницкий. Дневник студента-паломника на Афон. стр. Киев 1886.

рясах, действовавших с оглядкой на врагов России, признать за скитами право быть монастырями. Впрочем, Вселенский патриарх Анфим уже в 1871 году признал Андреевский скит ставропигиальным. По некоторым сведениям от него было получено согласие на возведение скитов в монастыри. Но греческие националисты не дремали и быстро нашли поддержку среди иноверцев⁶⁶. На Берлинском конгрессе были пересмотрены некоторые пункты Сен-Стефанского мирного договора не в пользу в России. Известный английский дипломат маркиз Сольсбери стал убеждать, что Россия хочет создать на Афоне русские гарнизоны (два офицера приняли монашество на Афоне), и русские скиты не стали монастырями⁶⁷. И это привело в дальнейшем к тяжким последствиям. Если бы Андреевский и Ильинский скиты стали монастырями, то они никогда бы не могли быть отобраны, ибо скиты находятся на территории монастырей и подчиняются им, а монастырь представляет собой самостоятельную административную единицу. Как мы видим, антирусская кампания продолжалась и дальше. Заметим, что в Андреевском скиту было 800 монахов, а Ватопедском монастыре, которому он подчинялся, всего 200, в Ильинском скиту – 400, а в Пантократоре всего 100. Так что планируемые преобразования были бы не плодом русских интриг, а насущной необходимостью.

Вернемся к Ильинскому скиту и вспомним слова будущего митрополита: «не виновны ли в данном случае и сами ильинцы», чтобы убедиться в ошибочности этих слов и в необходимости для русских скитов стать монастырями. Дело в том, что скит по своим правам мало чем отличался от келии. Разница состоит только в том, что при пострижении в монашество своих послушников скит не обязан испрашивать разрешения у монастыря. Но скит, так же, как и келья, не имеет права без благословения монастыря принимать епископа для рукоположения, не имеет права предпринять ни малейшей постройки. Даже необходимый ремонт нельзя делать без разрешения. Если у Андреевского скита со своим монастырем были хорошие отношения, то неприязненные отношения Пантократора к Ильинскому скиту могут послужить печальным примером произвола в монашеской жизни. В конце 19 века отношения эти были испорчены настолько, что между скитом и монастырем возник судебный процесс, который длился 13 лет. Монастырь сделал все, что было в его власти, чтобы осложнить жизнь ильинцам. За смертью старых иеромонахов в громадном скиту осталось только 2-3 престарелых иеромонаха, больных и неспособных к службе. И это на пять параклисов. Монастырь, используя свои права, запретил рукополагать новых иереев. Ильинцам, чтобы выжить, пришлось пойти на хитрость. Они попросили иеромонаха Нифонта из кельи Святой Троицы и иеромонаха Неофита из кельи святителя Николая Чудотворца, находившихся на земле сербского монастыря, рукоположить ильинцев в своих кельях. Таким образом они получили еще четверых иеромонахов. Во сколько обошелся процесс обоим сторонам, никто не знает. Напряженность возникла будто бы из-за ошибки одного из настоятелей Ильинского скита, но это не оправдывает пантократоровцев. Тем более, что этим прискорбная история не кончилась.⁶⁸

---

⁶⁶ «Эта вставка в 22 статью сан-стефанского договора привела в полное негодование враждебную в свое время русским инокам на Афоне константинопольскую газету «Фраки», и она без стеснения позволила назвать приведенные слова договора «стратегической шуткой» графа Н.П.Игнатъева, хотя и отлично понимавшего глубокое различие на Афоне монастыря от скита, но пожелавшего «одним выстрелом убить две дичи: возвести скиты в монастыри и их же, как принадлежность русскую утвердить». Одно это обстоятельство – возведение русских скитов, Андреевского и Ильинского, в монастыри, по мнению газеты, может считаться «достижением полнейшего успеха русского господства над Афонскою горою» и является «явным попранием церковных и народных прав» греческой национальности» («Фраки», 1878, года, № 1251). Вот они зрелые плоды национализма. Редкий пример, когда национализм уничтожает церковь

⁶⁷ «На подобные договоры, по словам маркиза Сольсбери (от 1 апреля 1878 года), не могут посмотреть с удовольствием ни греческое правительство, ни державы, для которых все части Оттоманской империи – предмет общего интереса. Общим последствием этой части трактата будет усиление могущества Русской империи в странах и на побережьях, где господствует греческое население, не только к ущербу этой нации, но и великой страны, имеющей интересы на востоке Средиземного моря». («Московские ведомости» 1878 г. № 80)

⁶⁸ Церковный вестник 1897, № 45, стр. 1462

В 1892 году архимандрит Гавриил из Ильинского скита склонил к миру эпитропов кириархиального монастыря, благодаря влиянию одного из пантократорских старцев, архимандрита Серафима. За мир пришлось по обыкновению заплатить дорогой ценой. Ильинцы обещали построить новый корпус в несколько этажей с храмом наверху. Но вскоре о. Стефан не был избран в число старцев и был изгнан вместе со своими 12-ью учениками. Война началась вновь.

Но все эти истории меркнут перед той, которую описал один паломник, посетивший скит в 1910 году. Когда паломник вошел в скит, то обнаружил, что скит как будто вымер. С трудом отыскался один единственный послушник.

—Где же отец настоятель и братия?

—А все на море пристань строят.

Оказалось, что каждый раз, как придет из России корабль с припасами для монастыря, монахам приходится строить пристань... и потом разрушать ее. Постоянную пристань греки иметь не позволяют. То же самое приходится делать зимой, стоя в холодной воде. Зато с посвящением в сан стало проще, теперь после долгих переговоров монастырь все же разрешает рукоположения, принимая в дар несколько сотен рублей⁶⁹.

Позорную страницу в истории Афона составляет и процесс об отнятии Русского Пантелеймонова монастыря, который будто бы незаконно был захвачен русскими.

Интересно, что турецкая власть и дальше сохраняла толерантность в отношении автономии Святой Горы и не препятствовала прибытию на Афон послушников и монахов разных национальностей. К. Леонтьев приводит такое мнение современных ему монахов: «Они все⁷⁰ турок очень хвалили и говорили: «Сказать по правде, так турки будут по милосерднее и посправедливее всех здешних народов. Турок милостив»⁷¹. Этому не скажешь про греков. После Балканской войны 1912 года был разработан проект, по которому Святая Гора оказывалась под покровительством России, Греции, Румынии, Болгарии, Сербии и Черногории. Греческие монахи спешно обратились в Афины с требованием присоединить Афон к греческому королевству и передать Элладской церкви.⁷² В греческих газетах опять развернулась истерическая кампания. Россия вынуждена была принять меры: были отобраны имения греческих монастырей в Бессарабии, и греческим монахам был запрещен въезд в Россию для сборов. В результате премьер-министр Венизелос и Константинопольский патриарх выступили против владычества одной стороны над Афоном и поддержали проект покровительства шести стран.

В ноябре 1912 положение русских иноков на Афоне неожиданно меняется, и не в лучшую сторону. 26 октября в день своего небесного покровителя город Солунь был занят греческими войсками под командой диадоха Константина.

2 ноября около 12 часов дня к афонской пристани Дафни подошел греческий миноносец «Фиэлла». На берег высадились 67 греческих матросов. Тут же были заняты правительственные здания и спущен турецкий флаг. Вместо него был поднят греческий национальный. Миноносец ответил салютом. По телефону из Дафни протат был извещен о прибытии греческого миноносца и о переходе Афона под власть греческого правительства. Немедленно протатом была отправлена депутация для встречи дорогих для греческого населения Афона

---

⁶⁹ Прибавления к церковным ведомостям 1916, №17., стр. 459

⁷⁰ Русские монахи

⁷¹ К Леонтьев. «Панславизм на Афоне» . Русский Вестник, 1873 г, т.104, кн. 2. №4 стр 699

⁷² К. Леонтьев в той же работе пишет: «Пусть спросят откровенно мнение афонцев об Элладе и Турции , например. Все греческие монахи, если они только будут искренни, ответят, что принадлежность Элладе была бы гибелью для Святой горы, что эллины не о том думают как бы пожертвовать деньги из личного благочестия на монастыри, а как бы с монастырей взять деньги на свои мирские потребности. Что в Турции церковь свободнее чем в Греции, что монашество в Турции (которое , вообще, религиознее греков, в большем уважении, чем в свободной Элладе, что в 1854 году , наконец, Афон от турецких войск почти не страдал, а от эллинских волонтеров и повстанцев соседних греческих сел едва спасся, это дело известное». Нельзя пренебречь мнением этого человека, хорошо знавшего Грецию. Да и на Афоне проведенного около года. Но, к сожалению, случилось так , как он опасался, и последствия действительно были тяжелы для Афона.

гостей. Через полтора часа после прихода «Фиэллы» к Дафни подошел греческий броненосец «Георгий Аверов» и еще два миноносца. Вице-адмирал броненосца Павел Кундуриоти приказал старшему офицеру «Фиэллы» Телемаху Курмулису, назначенному временным правителем Святой Горы, ознакомить прибывшую депутацию протата с королевским декретом.^{73, 74} Один из посетителей Святой горы, немец по национальности, отметил в своих воспоминаниях, что лучшие паломники – это русские. В греках же чувствуется религиозная индифферентность. То есть греческий народ в этот в описываемый момент истории далеко отошел от Бога. И это было не только его мнение. В разговоре с ним один из архондаричных греков пожаловался ему: «Часто под вечер приходит около сотни русских паломников: все русские. Не знаем, как и справиться. Суп и бобы – вот все, что мы можем им предложить. Но они всему рады и благодарят нас. Мне бы не стоило этого говорить, но единственно, кто всем не доволен и доставляет нам немало труда, – это наши греки»⁷⁵. Хорошей иллюстрацией к этому служит приводимый ниже, чудовищный документ. Чувство удивления и горечи не покидает нас, когда мы читаем это произведение государственной мысли.

«Именем его величества короля эллинов Георгия I мы вице-адмирал Павел Кондуриоти, начальник Эгейского флота, повелеваем жителем Афонского полуострова (св. Горы):

Афонский полуостров (св. Горы) весь занят нами и составляет отселе нашу оккупацию, находится в состоянии блокады по эллинским законам.⁷⁶

Турецкое владычество в сем полуострове упраздняется. Власть же онаго принимает командир отряда оккупации, помощник капитана Телемах Курмулис с несколькими офицерами сего отряда и чиновниками, какие будут назначены.

Местные дела будут разбираться, до новых наших распоряжений, как и доселе сими же чиновниками, но под высшим надзором самого командира сего отряда, имеющего право заменять дурных и небрежных другими⁷⁷.

Существующие доселе законы и местные обычаи, или права собственности, будут продолжать действовать и применяться различными властями правления под надзором сего командира отряда, который имеет право ведать всякое дело и приказывать подавать ему в установленное время прошения⁷⁸

Мы ручаемся за совершенное уважение и ненарушимость прав: собственности, религии, личной свободы, жизни, чести, семейных (!) отношений и имущества всех жителей занятой нами сей местности без различия племенного происхождения или религиозного верования (!), считая всех безразлично равными между собою как относительно прав, так и обязанностей⁷⁹.

⁷³ Мы сохраняем орфографию документа, как он приведен в статье Дмитриевского.

⁷⁴ Дмитриевский А.А. «Афон и его новое политическое международное положение» Сообщения Императорского Православного палестинского Общества, 1913, т. 24, вып. 2, с. 225-250

⁷⁵ Heinrich Gelzer. Vom heiligen Berge und aus Makedonien., Leipzig, 1904.

⁷⁶ Во всем этом королевском декрете ни разу не упомянут Бог. Такой декрет с точно таким же успехом мог бы быть написан и турками, с той только разницей, что они в начале обязательно помянули бы Аллаха. «Занят нами и составляет отселе нашу оккупацию». Православным людям, православной государственной власти неплохо было бы вспомнить, что Святая Гора – это удел Божией Матери.

⁷⁷ Власть протата фактически упраздняется.

⁷⁸ Даже турки не посягали на законы Святой Горы. Управлял Святой Горой Священный Кинот. На словах сохраняются обычаи, а на деле выше них поставлен командир отряда, «который имеет право ведать всякое дело».

⁷⁹ Очень подходящие слова для секуляризованного общества. Главное – права собственности, которые не совсем ясно, как воспринимать в отношении монашеской республики. Тем самым уравниены в правах представители всех религий. О православии не говорится вообще. Профессор Дмитриевский не удержался и пометил нелепое для Афона выражение «семейные отношения» восклицательным знаком. Но нелепость ли это? Каймакам жил на Афоне без гарема. Не собирались ли новые власти осуществить чаемое врагами православия много лет : открыть доступ женщинам на Афон? Согласно этому декрету присутствие их охраняется законом. «Без различия племенного происхождения» – не стоит воспринимать серьезно, как и отдельные параграфы демократических законов. «Без различия религиозного верования» – подтверждает страшную догадку, что для новой власти все религии равны.

Ручаемся оказывать покровительство священным и честным человеколюбивым учреждениям, монастырям и скитам, имущество коих остается неприкосновенным. И они будут управляться без вмешательства сего командира.

Охранение вышесказанных прав, за кои мы поручились, от всякой опасности и нарушения возлагаем на командира сего отряда, устанавливающего полицию на сем полуострове и имеющего власть делать свои приказания сей полиции какого бы то ни было характера, но общие для всех жителей и налагающие равные обязанности на них, без различия племенного происхождения или религиозного. И, во всяком случае, не могущие нарушать монашеское жительство и его управление на св. Горе.

Решительно запрещаем носить оружие всем жителям сего полуострова: обязаны же все в определенный срок, назначенный командиром отряда, сдать свое оружие солдатам отряда оккупации. Для исполнения разоружения позволяем командиру отряда налагать строгие наказания и принимать строгие меры еще и против всех селений.

Жители оккупируемой местности обязаны продолжать платить назначенным от командира сборщикам податей платимья ими до сего времени туркам узаконенные подати и издержки, дабы из оных были уплачиваемы расходы преимущественно по управлению сего полуострова. Также обязаны жители селений делать в чрезвычайных случаях взнос деньгами и вещами по приказанию командира отряда, который в возмещение убытков имеет право требовать принудительно⁸⁰.

Приглашаем всех жителей полуострова проводить свое жительство в мире и порядке, покоряясь закону и распоряжениям сего командира и избегая всякого действия, могущего нарушить общественное спокойствие.

Всякое действие и покушение с целью нарушить общественную безопасность сей занятой нами местности, флота и его экипажа, или интересы Эллады, будет судиться по-военному, решительно, в 24 часа, как преступление самого последнего предательства, смертной казнью.⁸¹

Настоящее объявление должно быть сообщено всем жителям полуострова сего, по распоряжению командира отряда.

2 ноября 1912 года Броненосец «Георгий Аверов». Вице-адмирал Павел Кундуриоти⁸²».

Ясно, что после такого декрета ожидать ничего хорошего не следовало. Но внешне не произошло существенных перемен.

По прочтении декрета оркестр броненосца исполнил греческий национальный гимн, после чего броненосец «Аверов» и два миноносца удалились. Миноносец «Фиэлла» стал на якорь напротив Пантелеймонова монастыря и пригласил на борт турецких чиновников, прятавшихся в русском монастыре. Чиновники были объявлены военнопленными.

В 10 часов колокольный звон протатского Успенского собора и русского Андреевского собора и ближайших русских келий известил о приближении к столице Афона новых хозяев. Греческие войска были встречены близ русского конака, который находился поблизости от квартиры каймакама. Каймакам сдался представителям новой власти без всякого сопротивления. После чего войска во главе с Телемахом Курмулисом направились в протатский собор, где «выслушали краткую литию с провозглашением многолетий царствующей греческой династии, союзным королям и христолюбивому греческому воинству и отправились на отдых в отведен-

---

⁸⁰ То есть декларируется, что власть может грабить в законном порядке жителей «селений»

⁸¹ Этот чудовищный пункт свидетельствует о том, что в уделе Божией Матери единственный раз в истории фактически воцарилась диктатура, которая установила себе право грабить и уничтожать без суда и следствия всякого, кого ее заблагорассудится.

⁸² Видимо, для него это не последний захват власти. В 1924 Греция была провозглашена республикой, а президентом ее стал адмирал П.Кундуриотис. В 25 году совершается переворот Ф. Панглоса, но в 26 году снова у власти Кундуриотис. *Т.Н.Никитина «Элефтериос Венизелос – идеолог и практик греческого либерализма» (1864 –1936). Новая и новейшая история, 1995, №2 135-155.*

ные для них квартиры. Народ на улицах ликовал всю ночь, выражая это при взаимных встречах, пасхальным приветствием друг друга: «Христос Анести – Христос Воскресе» и ответом: «Алифос Анести» – «Воистину воскресе», причем стреляли в воздух из револьверов»⁸³.

На следующий день в Дафни прибыл греческий десант в составе 800 человек и также направился в Карею.

Так как заняться такому большому военному отряду было нечем, то его разбили на несколько отрядов, которые стали совершать обходы обитателей с целью ознакомления с местными достопримечательностями. 7 ноября один из таких отрядов под командованием Демосфена Зантопулло прибыл в Русский Пантелеймонов монастырь. Командир отряда произнес любопытную речь: «Сегодняшний визит к вам есть прямой долг мой выразить признательность благородной русской нации, представителем которой и является здесь на Афоне русский Пантелеймонов монастырь.

Мы вполне сознаем и ценим высокое покровительство России над малыми балканскими державами, благодаря которому только и представилась возможность сплотиться им для свержения турецкого ига, тяготевшего столько веков над народами Балканского полуострова. И вот это чаяние и этот сон сбылись – объявлена свобода. В особенности наш эллинский народ твердо помнит покровительство России в 1897 году, выразившееся в спасении нации»⁸⁴.

Странно, но факт, что русское правительство никак не выразило своего отношения к захвату Святой Горы. Единственно, несколько позже было высказано недовольство пребыванием большого вооруженного отряда на территории Пантелеймонова монастыря. Греческие войска согласились покинуть монастырь и вернуть захваченный ими монастырский пароход⁸⁵.

Совсем не так отреагировало болгарское правительство. Этот факт почему-то совершенно не известен в России. Для защиты своих подданных, находящихся в Зографе, а в то время также в Хиландаре и русском скиту Ксилургу, был направлен отряд болгарских войск числом в 70 человек. Но никаких активных действий отряд не предпринимал.

Неясно, почему так долго молчал русский посланник, не сделал никаких шагов для нормализации обстановки на Афоне. И только в 1916 в официальном органе Святейшего Синода была напечатана заметка, написанная, вероятнее всего, одним из знатоков «афонского вопроса» – магистром богословия Сергеем Троицким (это можно предположить, исходя из подписи С.Т. и некоторых других фактов)⁸⁶. Автор, ссылаясь на французскую газету «Le Temps» от 23 марта, сообщает, что правительство эллинского королевства по требованию русского правительства возместило те убытки, которые были принесены греческими солдатами русскому монастырю на Афоне.

«Сообщение это весьма кстати напоминает о том невыносимо тяжелом и обидном для русского чувства положении, в котором находятся русские монахи на Афоне». После ухода турок положение русских еще более ухудшилось. «Образ действий греков по отношению к русским я считаю крайне враждебным. Их политика за последнее время войны всецело состоит в желании изгнать русских с Афона», – пишет подпоручик Дитш в секретном сообщении русскому консулу в Салониках В.Ф.Калю⁸⁷. Политическое положение Афона стало неопределенным. Греческие монахи призвали солдат, те захватили Афон, прогнав турецких чиновников. Когда писалась эта статья, захват Афонской горы еще не был признан державами и Лондонская конференция предполагала сделать Афон общим владением православных держав. Но греки

---

⁸³ Дмитриевский А.А. «Афон и его новое политическое международное положение» Сообщения Императорского Православного палестинского Общества, 1913, т. 24, вып. 2, с. 230

⁸⁴ Там же стр. 231

⁸⁵ Забытые страницы русского имяславия. М. 2001, стр. 5

⁸⁶ Прибавления к церковным ведомостям 1916, №17, стр. 459

⁸⁷ Цит. по Петрунина О.Е. Афонский вопрос в 1912-1917 гг. по материалам русских дипломатических источников. Вестник архивиста, №1, 2002

продолжали хозяйничать, и к национальному гнету, и так уже существовавшему на Афоне и одобренному, например, константинопольским Патриархом Иоакимом III в канонизме 1911 года, добавился новый, чиновничий. Греческие власти захватили таможенную и ввели высокие пошлины в пользу греческого правительства. Да, к тому же, греческие таможенники делали, что хотели. Товары залеживались и гнили. Прислали, к примеру, из России колокол для какой-то русской обители, но греки под каким-то предлогом задержали его и не выдали получателям. Долго валялся колокол около Дафни, а потом, неведомо куда, исчез⁸⁸. Добивались русские монахи разрешения провести в Дафни телефон, и им не позволили. Даже высочайшие пожертвования, по сообщению автора, получаются не без затруднений.

Далее говорится о бесчинстве греческих солдат, которые, неизвестно для чего, живут в Уделе Божией Матери. Они являются в русские обители, занимают лучшие помещения и, конечно же, ни за что не платят. Воспользовавшись смутой, вызванной спорами об Имени Божьем, греческие солдаты вторглись в Ильинский скит и арестовали послушников болгарского происхождения. «Помню, какой ужас напал на монахов Пантелеймонова монастыря, когда туда вошел греческий отряд под командой Чулакиса. Даже имябожники готовы были отказаться от всех хитросплетений Булатовича, только чтобы их освободили от греков». Надо отметить, что оккупационный отряд первоначально высадившийся на Афоне состоял из тысячи солдат и содержание его ложилось на плечи афонских монахов. Затем, правда отряд сократили до двух рот пехоты и 30 жандармов. Это вместо 2-3 турецких чиновников, бывших ранее на Афоне! Место турецкого каймакама в Карее занял греческий астиномос. В Иериссо был назначен судебный следователь, в юрисдикцию которого вошел и Афон⁸⁹.

Не ставя перед собой цели рассказывать о событиях, связанных со спорами об Имени Божьем, ни, тем более, вникать в догматические разногласия, отметим, что действия как греков, так и русского правительства имели вполне простую подоплеку. «Как ни печальна была такая развязка, но могло быть и хуже. Нельзя же было оставлять православно верующих под таким невыносимым террором лжеумствующих. Греки только и ждали того, чем кончится дело в Пантелеймоновом монастыре. В Киноте мне потом сказали откровенно, что если бы консул не удалил еретиков, то сам Кинот нашел бы средства их удалить: теперь здесь хозяева не турки⁹⁰, а греки, которые легко могли прислать хоть целый полк из Солуня. А под видом еретиков не трудно уже было очистить и вообще Св. Гору от русских»^{91, 92}. Можно с уверенностью сказать, что одним из руководителей интриги был Константинопольский посол Гирс М.Н. С департаментом полиции даже не были согласованы арест и высылка огромного количества монахов. Не желая или не имея способности открыто выступить против нарушения греками соглашений об Афоне, русские дипломаты пожелали сделать это, хитроумным путем воспользовавшись смутой и принеся немалую жертву в виде почти тысячи русских монахов. «Само собой разумеется, что русская государственная власть ни изгнания православных еретиками,

---

⁸⁸ Видимо, это случай, о котором рассказывал Маевский.

⁸⁹ Там же

⁹⁰ «... Греческие монастыри обращались к греческому правительству с ходатайством о выселении из Афона всех русских иноков при содействии греческих войск и полиции, и как нас уверяли приехавшие с Афона, греческое правительство готово было прислать пароходы для приема имяславцев, которых греки намерены были немедленно доставить в Россию». «... они полагали властью Кинота назначить в русские скиты и в монастырь св. вмч. Пантелеймона игуменов из греков, якобы для искоренения ереси имяславия, а в сущности для управления всеми делами обителей» Н.Иванов. Положение русских монахов на Св. Афонской Горе после Балканской войны, Одесса, 1913. стр. 3

⁹¹ Архиепископ Никон. «Моя поездка на Старый Афон и плоды великого искушения». Забытые страницы русского имяславия. М. 2001, стр. 155

⁹² Это подтверждает и афонское предание, которое автору пришлось слышать из уст русского келиота. По мнению некоторых русских афонцев, главным двигателем борьбы с ересью было желание греков под этим предлогом избавиться от русского монашества. Ведь мы получили уже довольно ясное представление о настроении части греческого монашества, отравленного национализмом. А так как законы Святой Горы запрещают пребывание на ее территории еретикам, то упустить такой случай было просто невозможно.

ни предоставления тысяч русских подданных и многомиллионного имущества русских монастырей воле другого государства допустить не могла, а после того, как Патриарх всецело предоставил умиротворение русских обителей русской церковной власти, не могла допустить этого и власть церковная. Поэтому Святейший Синод считал долгом пойти навстречу Патриарху и разделить заботы Константинопольской церкви о ее непослушных чадах, еще недавно, до приезда на Афон, бывших чадами Церкви Русской»⁹³. Это каноническая нелепость, когда в качестве помощи одна автокефальная церковь дает «поуправлять» другой на своей территории, не могла иметь под собой никакой другой основы, только чтобы де-факто доказать свое право на управление русскими обителями на Афоне. То же сделала и государственная власть. Не сумев открыто доказать это греческому правительству, она сделала это окольным путем. Это подтверждается и тем, что интерес к имябожникам и их учению почти совершенно пропал по прибытии их в Россию. Так что, увы, приходится согласиться с мнением не очень хорошо расположенного к русскому монашеству исследователя Михаила Талалая: «Это после решений лондонской конференции Российское государство желало продемонстрировать,⁹⁴ что имеет право и может эффективно регулировать положение на Святой Горе, вмешиваясь в ее жизнь». Но оставим тропу, на которую случайно попали, и которой трудно избежать, говоря о современном Афоне. Оставим тему событий, связанных со спорами вокруг Имени Божьего, обратимся к маленькому событию, совершившемуся совершенно незаметно на фоне высылки русских монахов. Об этом пишет С.Т. в «Прибавлениях к Церковным ведомостям». Архиепископ Никон так же в своих воспоминаниях между прочим отметил: «В то время в монастыре⁹⁵ находилась полурота солдат-болгар во главе с офицером, питомцем Петербургской духовной академии. Солдаты выстроились пред нами в две шеренги и приветствовали нас громким: «Ура!». Увы! Только что они проводили нас, как явился греческий капитан со своими вооруженными солдатами и потребовал, чтобы болгары сдались...

Через день мы узнали, что болгары сдались, и мимо нас их как пленных, провезли на остров Кипр... Тяжелое впечатление произвело на нас это торжество греков над бывшими союзниками, которые, конечно, не могли сопротивляться.»⁹⁶ Конечно, тяжелое впечатление, тем более, это происходило одновременно с очисткой от русского монашества. Это тяжелое впечатление еще усугубится, если мы перейдем к воспоминаниям другого члена комиссии Троицкого и увидим, как это в деталях происходило. События произошли 22 июля 1913 года: «Стою вместе с командиром на юте Донец и любуюсь знаменитой панорамой Пантелеймонова монастыря, белым пятном обрисовывающегося на зелени горы. От мола отчаливает пароход и огибает «Донец». «Куда?», – кричу о капитану иеромонаху. «Греки приказали перевозить болгарских пленных». А нужно сказать, что дня за два греки напали на болгарский монастырь Зограф, где был болгарский отряд под командованием воспитанника петроградской академии Цветикова, взяли монастырь штурмом и вот теперь хотели на русском пароходе перевозить своих пленных. Беру шляпку и еду в монастырь к генеральному консулу. Оказалось, все делалось без его ведома. А тем временем пароход уже захватил с Дафни баржи и шел полным ходом к Зографу. Послали навстречу «шестерку» с чиновником нашего посольства. На этот раз греки уступили. При переговорах они указали на то, что монастырь на греческой территории, поэтому они вправе распоряжаться его имуществом. Но наш представитель потребовал спуска русских подданных, а среди них были капитан и рулевой, заменить которых грекам было нечем, но и нужды не было у греков в русском пароходе. В девять вечера того же дня прожектор на горизонте обнаружил 8 шлюпок под парусами. Это греки везли болгарских

---

⁹³ Определение Святейшего Синода о пересмотре Святейшего Синода относительно имябожников там же стр. 113

⁹⁴ Михаил Талалай. Монастырская культура., СПб, 1999 стр. 254-261

⁹⁵ Зографе

⁹⁶ Архиепископ Никон. Моя поездка на Старый Афон и плоды великого искушения. Забытые страницы русского имяславия. М. 2001, стр. 158

пленных. Если такие штуки предпринимали греки под носом у русских дипломатов, то, что они делают с монастырем...». «Нужно положить конец полному бесправию русских монахов на Афоне». Впрочем, из некоторых источников следует, что болгарские войска приглашались русскими монахами для защиты от произвола греков. Как мы уже знаем, греческие войска, заняв Афон, учредили таможду и по своему произволу забирали доставляемые в русские обители съестные припасы. Во многих русских обителях стал ощущаться недостаток в еде. И вот игумен Пантелеймонова монастыря послал «иеромонаха в Салоники к командиру болгарского отряда с просьбой прислать на Афон две роты солдат для защиты русских обителей от насилий, чинимых греческими войсками»⁹⁷. Таким образом, русские афонские обители в начале 20-го века более напоминали осаждаемые крепости, которые переходили из рук в руки, чем тихие монашеские обители.

Начало Первой Мировой войны принесло новые скорби. В первую очередь потому, что русское афонское монашество оказалось оторвано от своей Родины. И скоро среди русских монахов начался голод: пришлось обращаться к Русскому Правительству...

Кроме того, война нанесла удар и непосредственно по самому монашеству. Рясофорные монахи, согласно русским обычаям и правилам, не освобождались от мобилизации. Разумеется, никакая мобилизация на Святогорской земле русским не грозила, но так высоко было тогда сознание своего долга перед Царем и Отечеством, что, как только открылся Салоникский фронт, русские молодые иноки и послушники немедленно отправились в действующую армию. Это сильно сократило русское монашество, лишило его лучших молодых сил, с помощью которых русские обители на Афоне могли бы продержаться почти до начала третьего столетия. Эта убыль молодых сил так и не была восполнена впоследствии – Мировой войны стала началом заката русского монашества.

Как многим казалось в то время, конец полному бесправию русских монахов на Афоне был действительно положен. Для русского православного человека, читающего церковную литературу и не оставляющего без внимания ни одной брошюры об Афоне, будет полной неожиданностью узнать, что в 1917 году закончилась незаконная оккупация Афона греческими войсками. «По поводу занятия полуострова французским отрядом в дипломатических кругах указывают, что дипломатия давно была озабочена безправным положением на Афоне русских монахов со стороны греков и уравнила права русских монахов с греческими, вообще проявляющими большую враждебность к русским и за последнее время начавшим вредить и делу союзников»⁹⁸.

Что же произошло? Многие обвиняли русскую дипломатию, что она многие годы «не замечала» притеснения русских на Афоне, когда это было выгодно для нее⁹⁹. Но началась война, и случилось непредвиденное: несколько монастырей, среди которых особое место занимали Зограф и Ватопед, помогали врагам православной России. Слово опять С.Троицкому: «Столь же дружно действовали греки и болгары¹⁰⁰ в переполнившей чашу терпения союзников гнусном деле снабжения припасами германских подводных лодок. Особенно видное участие здесь приняли болгарский монастырь Зограф и греческий Ватопед. Оба монастыря имеют свои удобные пристани («арсаны»), и оба в течение веков пользовались русскими милостями»¹⁰¹. Кроме того, в Ватопедском монастыре была обнаружена система сигнализации, служащая маяком для немецких подводных лодок проложенная инженером–немцем за несколько лет до

---

⁹⁷ Н.Иванов. Положение Русского монашества на Св. Афонской горе после балканской войны., Одесса, 1913

⁹⁸ Наставления и утешения веры христианской, 1917, №2, стр. 76

⁹⁹ Справедливости ради надо отметить, что после афонской смуты 1913 года на Афон был назначен один из посольских секретарей в должности консула. В газетах даже появились сообщения об учреждении русского штатного консульства на Афоне. (Н.Иванов Положение Русского монашества на Святой Афонской Горе после Балканской войны. Одесса, 1913)

¹⁰⁰ Это был короткий период дружбы греков и болгар, вернее, дружбы политиков обоих народов.

¹⁰¹ Прибавления к церковным ведомостям 1917, №3, стр. 60.

этого. Там же находилась электростанция и база для снабжения подводных лодок. Всего на Афоне было изъято 500 ружей, 130 тыс. боевых патронов, револьверы, динамит, пулеметные ленты. Глава Протата, известный своей ненавистью к русским, заявлял, что «он и все греки до последней капли крови будут защищать Афон от пришельцев русских и что предпочитают турок, даже немцев – русским». Он из уважения к своей духовной персоне просил не производить обыск в здании Протата, но его не послушали и было изъято 125 винтовок и 45 тыс. патронов. Можно списать эти запасы оружия на германофильство части греческого монашества. Много германофилов – роялистов было и среди греческих монахов. Но скорее протоэпистату не давали покоя сомнительные лавры упоминаемого уже здесь архимандрита Никифора, одного из главных действующих лиц авантюры 20-ых годов девятнадцатого столетия. Очень похоже на то, что глава Протата собирался на деле выполнить свое желание сражаться «до последней капли крови», и участь русских монахов была бы незавидна. И Афон был занят франко-русским отрядом.

Профессор Троицкий говорит о конце незаконного греческого владычества: «Таким образом, сделанная четыре года тому назад ошибка теперь исправлена. Лучше поздно, чем никогда»¹⁰². Ошибка была в потворстве дипломатии незаконному захвату Афона греческими войсками. Русская дипломатия тогда не предприняла решительных шагов, чтобы предотвратить давление греков на представителей других народов. «Власть над Афоном Греция приобрела только путем захватнического права и сохранила эту власть исключительно благодаря, если можно так выразиться, добродушию нашей дипломатии»¹⁰³. Но надо отметить, что русские дипломаты в действительности внимательно наблюдали за развитием событий «Ввиду наших огромных интересов на Афоне материального и духовного свойства, большого числа русских монахов и разных духовных учреждений, мы считаем невозможным оставаться равнодушными зрителями тех беспорядков и анархии, которые в настоящее время господствуют на Святой Горе, благодаря незаконному захвату ее греческими бандами и отрядами», – пишет в секретной телеграмме министр иностранных дел России Н.Н. Покровский – Генеральному консулу в Салониках В.Ф. Калю¹⁰⁴. Дело в том, что в афонских лесах в годы войны скрывалось множество дезертиров, которые либо занимались бандитизмом, либо выдавали себя за монахов. Афон был аннексирован Грецией, и благодаря неопределенному международному положению представлял собой прекрасное убежище для дезертиров и прочих сомнительных элементов. В условиях духовного спада греческого монашества их русские братья, в особенности келиоты, часто подвергались просто разбойничьим нападениям. См. Андр. Ск. Греческие монастыри пытались самыми неблагоприятными способами избавиться от русских келиотов, приобретших свои кельи на их территория за весьма значительные суммы.

«Положение это могло бы найти некоторое оправдание в том случае, если бы греческий элемент Святой Горы имел за собою какие-либо крупные моральные преимущества. К сожалению, времена духовного подъема греческого монашества давно уже прошли. Призванное судьбой, со времени взятия Константинополя турками и в особенности в девятнадцатом столетии, играть роль не только духовного руководителя своей паствы, но и политического вождя, проникнутого определенными национальными задачами, греческое духовенство, в том числе и Афонское монашество, привыкло приносить свой молитвенный порыв и стремление к подвигу в жертву национальным страстям и вожделениям», – говорится в одной аналитической записке Российского МИДа. Остается только преклониться перед русскими дипломатами, насколько емкую характеристику они дали тогдашнему греческому монашеству. Далее мы увидим, как

---

¹⁰² Прибавления к церковным ведомостям, 1917, №4, стр. 161

¹⁰³ Прибавления к церковным ведомостям, 1917, №3, стр. 66

¹⁰⁴ Петрунина О.Е. Афонский вопрос в 1912 -1917 гг. по материалам русских дипломатических источников. Вестник архивиста, №1, 2002

роль политического вождя приведет Константинопольского Патриарха к вмешательству в дела Московского Патриархата и, фактически, к предательству православия.

Необходимо отметить, что русская дипломатия после греческой аннексии вела незримую борьбу за справедливое устройство Афона. Русский проект кондоминиума встретил поддержку со стороны сербского, болгарского и румынского правительств. Первоначально были вынуждены согласиться на это и греки, так как они получили бы в замен Салоники и часть островов в Эгейском море с преимущественно греческим населением. Но совещание консулов стран-участников кондоминиума в Салониках сорвалось и история внесла коррективы в планы православных государств. Лондонское совещание послов великих держав по итогам балканских войн не вынесло никакого решения по афонскому вопросу. Это молчание позволило грекам продолжить оккупацию Святой Горы. И даже стала меняться позиция той части греческих политиков, которая первоначально поддерживала проект кондоминиума. Многовековой опыт дипломатии подсказал грекам верное решение: они попытались в этом дипломатическом антракте подменить вопрос о кондоминиуме вопросом о совместном русско-греческом владычестве на Афоне. К чести России этот хитрый план был отвергнут. Если бы он был принят, то борьба за православное устройство Афона, переродилось бы в глазах международного сообщества в политическое соперничество двух государств, в котором Россия играла бы роль захватчика. Но для России важна была не военная стратегия а сохранение православной святыни.

Так как греческим дипломатам не удалось заручиться международным признанием захвата Афона, им пришлось опираться на националистически настроенный протат. Греческий посол Панас в беседе в русском послом в Константинополе Гирсом все время ссылался на то, что главный орган управления Афона – протат, и государство не может вмешиваться в церковные дела. Тогда же возникло и другое компромиссное решение национального вопроса: монахи оставались подданными той страны, из которой прибыли, но при этом получали бы еще и особое афонское гражданство. Что касается других православных государств, то недвусмысленно было заявлено, что они не имеют никакого права участвовать в решении вопроса об Афоне. Разумеется, русские дипломаты не могли пойти на подобные условия.

Таким образом, в международном плане возможности несилового решения афонской проблемы была исчерпана. Кроме того, тяжелое положение сложилось и со снабжением Афона. Немецкие подводные лодки топили транспорты с продовольствием, а командование Солунской армии запретило снабжать провиантом весь Халкидонский полуостров, мотивируя этот шаг враждебными действиями греческих вооруженных банд. Поэтому, с точки зрения политической, интервенция русско-французским отрядом в 17 году была вполне обоснована. Разумеется, еще более это можно отнести к области военной и церковной.

На подготовку этой акции ушло два года. Вопрос был достаточно деликатен. Если бы Афон занял русский отряд, то это могло быть представлено как простой захват. Поэтому русские дипломаты вели по этому поводу переговоры с союзниками. Англичане отказались от поддержки России в этой акции и с трудом удалось договориться о высадке француско-русского отряда. Десант высадился 3(16) января в составе ста русских солдат и трех офицеров и пятидесяти французских солдат. Во главе русской части десанта стоял подпоручик Дитш, во главе французского – капитан Жидель. Были заняты почта, телеграф, таможня и телефонная станция. Был проведен обыск в монастырях, который выявил прискорбные факты пособничества греческих и болгарских монахов Германии. Особый контроль был установлен за монастырями, где преобладали германофильские настроения: Зографским, Ватопедским, Иверским и Ставроникитским. Была проведена перепись среди монахов.

Русские дипломаты надеялись, что отряд пробудет на Афоне до конца войны, после чего можно будет решить все спорные дипломатические вопросы. Но в начале июня 1917 года фран-

цузское командование отозвало отряд с Афона, и положение русских монахов резко ухудшилось.

Законной, в смысле международного права, и справедливой, с точки зрения мирового православия, власти всех православных государств над Афоном, названной кондоминимумом, не суждено было осуществиться. Революция в России на долгие годы узаконила захват Афона, а по желанию безбожных властей верующие в России должны были забыть об Афоне. В начале, правда это не удавалось, так что большевики были вынуждены писать подобные агитки: «Сейчас же, когда почти все наши монастыри смыты революционной волной, Афон с его сотнями келий, скитов и монастырей и 10.000 армией черноризцев заслуживает сугубого внимания и приобретает для нашего православия особое значение, как единственный неуязвимый уголок этих черных паразитов-пауков, сотни лет высасывавших из кармана нашего крестьянина от 3 до 7 млн. рублей ежегодно...». Такое предисловие написано к книге некоего Семенова, совершившего не паломничество, а, скорее, шпионо-диверсионную вылазку на Афон в 1912-1913 году¹⁰⁵.

Но оставалась та часть русского народа, которая была выкинута революционной волной за пределы нашей Родины. Надо отметить, что русские эмигранты достаточно редко посещали Афон. Даже в тот период, когда доступ на Святую Гору был достаточно свободен. В Сербии, где первоначально находилась основная масса эмигрантов, было даже своеобразным обычаем посещение Афона учащимися в период каникул. Но русский писатель В.А.Маевский, если можно так выразиться, главный специалист по Афону Русского Зарубежья сетовал, что русские епископы, которых в то время в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев было около 20, в отличие от сербских архиереев почти не совершают паломничества на Афон. Только восемь иерархов Русской Зарубежной церкви за «югославский» период своего существования посетило Святую Гору. Особенно удивляло его то, что русские архиереи с Дальнего Востока приезжая в Сербию, не пользуются возможностью посетить это святое место. Надо отметить ревность Владимира Албимовича ко Святой Горе, но все же тут он не совсем прав¹⁰⁶.

Положение же русского монашества на Афоне становилось все более тяжелым. Один из паломников, вернувший со Святой Горы после живописного описания природы Афона предупреждает, что неплохо бы с собою захватить, как можно больше провизии, «так как наши обитатели на Афоне сильно нуждаются¹⁰⁷». Но «игумен Андреевского скита Митрофан в беседе на эту тему со мной указал, что милость Божия все же ни на минуту не покидает Афон. В самые трудные для иноков минуты неожиданно является помощь, о которой никто не думал», – пишет А.Плетнев совершивший паломничество на Афон в 1925 году в составе группы сербских учащихся¹⁰⁸. И действительно: «...Просачиваются вести с Афона, что некоторые афонские обитатели влачат бедственное существование. Правда американец Уитмер¹⁰⁹ привез кое-что туда из продуктов, но помощь его осталась слепой, он совершенно прошел мимо в конце обнищавших келиотов Братства Царицы Небесной¹¹⁰».

---

¹⁰⁵ Автор большевик в оригинале пишет эти слова с маленькой буквы.

¹⁰⁶ Особенно, почему-то Маевский отметил митрополита Нестора (Анисимова). «Владыка Нестор ездил в Иерусалим и Индию. Но, проезжая недалеко, ни разу не посетил Святой Афонской Горы...» Может быть потому, что одно время владыку Нестора хотели сделать приемником митрополита Антония? Как мы увидим ниже, это мнение Маевского по поводу русских архиереев было несколько предвзятым.

¹⁰⁷ Б.А. Письма о святой Горе Афонской, Новое время, 8 ноября 1925 г., № 1360

¹⁰⁸ А. П-в, Новое время, 3 сентября 1925 г., №1303

¹⁰⁹ Наверное, об этом же американце пишет и Плетнев: «Между горячими поклонниками Афона встречаются последователи и других религий. Один богатый американец, часто приезжает Святую Гору на своей яхте и каждый раз оставляет крупные суммы на поддержание русских монастырей. Рассказывают, что когда-то Ротшильд побывал на Афоне». А.Плетнев, На Афоне, Новое время, 30 января 1925 г., № 1125

¹¹⁰ А.М. Новое время, 18 июля 1925 г., №1230

Но все же надо отметить, что лучшие представители Зарубежья не забывали об Афоне и всеми силами старались ему помочь. Вероятно, некоторый период времени и монахи имели возможность посещать Сербию, в основном это были сборщики. Русское сестричество в Белграде обратилось со специальным обращением к русским людям в рассеянии. В нем в частности говорилось: «...Церковное сестричество в Белграде призывает всех русских людей пожертвовать, кто сколько может, в открытый при русской церкви фонд помощи афонским старцам и отшельникам, тем самым старцам, которые доставили всем нам большую духовную радость, прислав русской церкви в Белграде в благословение русским изгнанникам на чужбине, прекрасный образ Знамени Пресвятой Богородицы, находящийся в правом пределе нового храма нашего и привлекающей к себе столько молящихся...». Обращение было подписано княгиней Святополк-Мирской, старшей сестрой сестричества¹¹¹.

Но уже немного ранее появились предзнаменования будущей катастрофы. Бухаресткий мирный договор фактически закрепил аннексию Афона. Окончилась мировая Война и греки окончательно закрепили за собою Афон, что было отражено в Сервском договоре 1920 г. Но 13 статья этого договора гласила следующее: «Греция принимает на себя обязательство признавать и охранять традиционные права и свободы, которыми пользовались не греческие монашеские общины Горы Афона, согласно постановлениям ст. 62 Берлинского договора от 13 июня 1878 года». Но вот разыгрывается жуткая смирнская катастрофа и греческие войска разбиты Кемаль Пашой. После этого заключается новый договор в Лозанне 6 августа 1923 года и вновь одна из статей – 16, подтверждает для Греции обязательства наложенные на нее предыдущими договорами. Кто бы мог подумать, что нам, православным христианам, придется вспоминать о этих договорах? Ведь это наши православные братья! Разве они могут утеснять славян или румын. Да вообще православных других национальностей? Оказалось, что реальность сильно отличается от придуманного нами самими мифа и русским не раз приходилась вспоминать о международном праве в надежде найти защиту у инославного или совсем бесславного Запада от своих же православных братьев.

Вот, до русских афонцев дошли слухи, что готовится постановление греческого правительства об обязательности греческого гражданства для всех монахов Святой Горы. По мнению святогорцев, это будет новый удар по и без того уже тяжелому их положению, так как этот закон изменит коренным образом весь уклад монашеской жизни на Афоне. Русские монахи и так уже обращались в «Организацию защиты интересов русских эмигрантов в Греции» в связи с постоянными гонениями со стороны Кинота. В особенности тяжелым для них оказалось несправедливое распределение налогов, если учитывать их нынешнее финансовое положение.

Тогда было уже очевидно, что этот закон не несет ничего хорошего ни греческим, ни русским монахам. Тогдашнее демократическое правительство Греции, только на словах придерживалась принципа «свободы совести» и враждебно относилось к монашеству, и в особенности, – к афонскому. Дело доходило до того, что годы, когда доступ на Афон паломникам был затруднен, при получении разрешения на Афон Священный Кинот фактически игнорировался и достаточно было просто удостоверения местных полицейских властей. Благодаря действиям греческих властей Афон стал особым местом в смысле визового режима. Виза в Грецию не давала возможности паломнику посетить Святую Гору. Казалось бы, эта мера была направлена на защиту Афона от множества ненужных посетителей иноверных туристов, просто любопытных. Но в действительности весьма часто такой визовый режим защищал Афон именно от православных паломников.

В некоторых православных странах существовал благочестивый обычай среди учащихся средних и высших школ в летние каникулы совершать общие паломничества на Святую Гору. От Сербии, к примеру, до Афона рукой подать. Когда были введены подобные разрешения, то

---

¹¹¹ Новое время, 22 января 1925 г., № 1119

пришлось получать визы, ожидать которые приходилось достаточно долгое время. Каникулы кончались и паломничества срывались. В.Маевский описывает характерный эпизод, произошедший с одним русским владыкой, который прибыл за тысячи миль с Дальнего Востока в Югославию на Архиерейский Собор Зарубежной Церкви. Это было до второй мировой войны. Вот закончился собор, и владыка должен был возвращаться на Дальний Восток. Он поехал в Афины, откуда должен был отправиться морским путем в к себе в епархию через Салоники, а находясь в Салониках, грех православному владыке не посетить, хотя бы кратковременно, Святую Гору. Владыка задолго до выезда стал хлопотать о визе на Афон в греческом консульстве. Но консульство заявила, что для православного владыки нужно еще разрешение от Вселенского патриарха на посещение Святой Горы, находящейся в его введении. Владыка обратился в Константинопольскому Патриарху. Время шло, владыка нервничал, консул обещал, а от патриарха не было никаких известий. Консул посоветовал ему отправиться в Афины. Владыка выехал в Грецию там его также «кормили» обещаниями. Кончилось это тем, чем и должно было кончиться: владыка был уже не в состоянии ожидать и отправился на Дальний Восток. По дороге он посетил Иерусалим и там уже получил от греческого консула сообщение, что для него прислано благословение патриарха на посещение Святой Горы.

Такие же картины можно было наблюдать и в Салониках. Многие благочестивые труженики из Сербии или Болгарии накапливали годами деньги для поездки на Афон и вот, когда они уже собирались садиться на пароход, вдруг узнавали, что требуются еще какие-то визы и разрешения. Многие начинали хлопотать, ждали, отправляли телеграммы и все напрасно: с тяжелым сердцем им приходилось отправляться на Родину. Иногда паломники узнавали уже около Афонского берега, о том, что греческой визы недостаточно, для посещения Святой Горы. Можно себе представить с каким тяжелым сердцем такому паломнику приходилось проделывать обратный путь. Свидетелем такого случая В.Маевский был в 1937 году. Он же рассказывает, что в подобное безвыходное положение попадали не только простые паломники, но ученые, профессора, писатели и даже иерархи православных церквей. Маевский описывает также случай, когда последним не дали даже дожидаться парохода, а тут же вывезли их на моторной лодке. С горечью отмечал русский писатель в 1966 году: «Все это мелочно, отвратительно, но цели достигает: паломников, славян и румын, на Афоне почти не бывает».

Подобным образом греческие власти в тандеме со вселенским патриархом охраняют Афон и поныне. Священнику или епископу попасть на Афон гораздо сложнее, чем простому мирянину. До недавнего времени, чтобы получить визу, нужно было посетить кабинет №222 министерства иностранных дел Македонии и Траки и вступить в не очень приятное общение с некой госпожой Плисой, которая ведала выдачей разрешения. Эта чиновница, в которой трудно было заподозрить ревнительницу православия, проводила строгое исследование: не является ли, не дай Бог, кто-нибудь из претендентов на паломничество священником. Если таковые обнаруживались, то отправлялись прямым путем в Стамбул к тамошнему Патриарху. То, что Стамбул и Салоники разделяются и морем, и сушей, греческих чиновников не интересовало. Только в последнее время ситуация резко изменилась: когда речь идет о свободном доступе на Афон туристов не только мужского пола, но и женского, говорить о каких-то ограничениях неудобно и общение с чиновниками министерства перестало быть необходимой деталью афонского паломничества.

В 1924 году в Греции был выработан «Устав Святой Горы», подписанный представителями 19-ти монастырей Афона. Отсутствует на этом документе подпись только представителя Пантелеймонова монастыря. Греческое правительство утвердило этот устав¹¹².

---

¹¹² «Новый устав» вместо этих международных обязательств вводит совершенно иные предписания. По статье 180 на Афоне может быть только одна типография, именно – греческая, абсолютное право учреждения которой, имеет Священный Кинот. По статье 182 "каждый монастырь обязательно и безоговорочно должен посылать в Афонскую церковную школу в Карее из числа монахов или послушников, по крайней мере, двоих учеников" и "никакой монастырь не может отказаться от

В 1926 году был выпущен закон «Новое Положение об Афоне», подписанный президентом греческой республики Павлом Кундриотисом и премьер-министром Г.Кондилисом, по которому Афон объявлен территорией Греции, управляется в административном отношении греческими властями, а в духовном – Вселенским патриархом, и все монахи, вне зависимости от их национальности, должны стать греческими подданными. Статья «А» этого закона гласит: «Полуостров Афонский от горы Мегали Вигла (на границе с материком) до оконечности является самоуправляемой частью Греческого Государства, под духовным управлением Вселенского Патриарха. Все монашествующие на Афоне являются отныне греческими подданными, а также все вновь поступающие послушники, становятся таковыми без дополнительных каких-либо прошений». Тогда же было принято негласное решение не допускать в негреческие монастыри новых монахов. Несмотря на то, что желающие были, с 1926 по 1955 год по официальным данным не было допущено ни одного монаха в негреческие обители. За этот период количество монахов в Пантелеймоновом монастыре сократилось с 651 до 95 человек, из 82 русских келий вымерло 68, причем, в наш монастырь не был принят ни один из тех, кто просился, а желающих поступить на Афон было немало. Последними были приняты в Пантелеймонов монастырь карпатороссы¹¹³.

Русский монастырь святого великомученика Пантелеймона неоднократно протестовал против попрания своих законных прав новым уставом и против фактического запрещения въезда на Святую Гору новых иноков-негреков. Но обращения в Священный Кинот, к Константинопольскому Патриарху, к греческому правительству и в Лигу Наций (1931 г.) не дали никаких результатов.

После 1926 года Афон обрекался на вымирание. Представителей негреческих национальностей на Афон фактически не допускали. Министры-либералы планировали сделать из Афона курортную зону. Но тогда это было невозможно, хотя бы по духовным причинам. В то время на Афоне еще подвизались великие старцы, прошедшие в Уделе Божией Матери безвыездно по 40, 50, 70, и даже 90 лет! Никакой молодой и ретивый натиск безбожных политиков не мог одолеть непоколебимую твердыню молитвы и поста. Афонская братия сокращалась численно, но стояла твердо в духовном отношении. Именно тогда большинство афонских монахов отвергло модернистские устремления Константинопольского патриарха Мелетия и его последователей. И тогда, обновленчество фактически потерпело крах. И разрушительные для православия действия привели к тому, что среди ревнителей держащихся старого стиля находились желающие поддержать афонские обители.

Но все же, несмотря на все препоны, русское афонское монашество пополнялось за счет эмиграции, хотя известно всего несколько человек, сменивших мундир или костюм на рясу и клобук. Это иеромонах Софроний, автор замечательных записок о старце Силуане; иеромонах Василий (Кривошеин) – сын министра Временного правительства, впоследствии архиепископ и известный богослов; бывший полковник царской армии, участник Русско-Японской и Пер-

---

взноса соответствующей суммы на содержание школы, который будет определяться на основании его экономического положения". Кроме того, "посылка монахов или подчиненных для обучения за пределы Святой Горы, если прежде они не закончили Афонскую школу, категорически запрещается". Не говоря уже о том, что в судах и в официальных учреждениях официальным языком должен быть только греческий (статья 26). Статья 187, предпоследняя в "Новом уставе", говорит: "Всякое распоряжение, противоречащее настоящему Уставу, не может иметь силы на Святой Горе". Тем самым были отменены все прежние уставы и типики, а вместе с ними, разумеется, и "прежние привилегии" славянских монастырей. Все они были поставлены Новым Уставом в жесткую зависимость от греческого большинства. По смыслу 9-й статьи Устава, вместо своих традиционных типиков монастыри обязываются составить новые правила, подлежащие утверждению и надзору Кинота, состоящего из греческого большинства (17 представителей от греческих монастырей и по одному от русского, болгарского и сербского монастырей). Поэтому представители Русского Свято-Пантелеймоновского монастыря, хорошо понимая опасность от "Нового устава", ущемляющего права русских иноков, решительно уклонились, несмотря на угрозы, от обсуждения его и от подписи под ним. И в дальнейшем его всячески старались навязать русским инокам. Но позиция иноков Пантелеймоновского монастыря осталась твердой. Данные из статьи сотрудника ОВЦС И. Якимчука на сайте Православие.Ру

¹¹³ Архиепископ Аверкий (Таушев), «Святая Гора Афон и ее современное состояние», 1962.

вой Мировой войн, бывший адъютант Великого князя Андрея Владимировича, брат русского посланника в Сербии иеромонах Никон (Штрандтман). О последнем известно, что он принял постриг в одном из монастырей Сербии, на Афон прибыл не позднее 1937 года, скончался на Каруле в 1963 году в возрасте 90 лет. Был подвижником и аскетом, как будто бы пришедшим в наше время из древних патериков¹¹⁴. И все же, пополнение русского монашества в довоенные годы осуществлялось в основном за счет карпатороссов, оказавшихся вне пределов новой советской империи. Время идет, Афон уходит с ним в прошлое. Все реже вспоминают об афонцах на страницах русскоязычных газет. Не нужно говорить о том, что святогорцы оказались без поддержки Родины. Многие русские обители лишились всех своих сбережений и подворий в России. Можно было бы предположить, что единовенная Греция поможет русским монахам. Но очень быстро пришлось отбросить эти предположения. Наоборот, греческое правительство поспешило воспользоваться беззащитностью монахов и, в первую очередь, русских. Греческие либералы одним росчерком пера отобрали все метохы афонских монастырей, находящиеся на территории Греции. В результате главным образом пострадали негреческие монастыри – они не могли рассчитывать на поддержку местного населения и, лишившись метохов, лишились вообще всех средств к существованию. С точки зрения материалистически настроенных властей после того, как вымрут негреческие монастыри, Афон станет уже не Святой Горой с особым международным значением, а просто греческой территорией, которую можно успешно и плодотворно осваивать.

«Есть основания верить слухам, что греческое правительство настойчиво осуществляет давнишний план обратить Афон в источник для выгодной эксплуатации. На огромном и живописном полуострове Халкидики, среди чудесной горно-лесистой природы в рамке лазурных вод, – имеются многочисленные и обширные здания, которые могут принять одновременно тысячи приезжих. И вот, греческое правительство серьезно носится с мыслью обратить Афон в привлекательный туристический центр, что принесло бы казне огромные прибыли...», – писал об этом Маевский в 1966 г.

В качестве оправдания для геноцида была придумана коммунистическая угроза, весьма «актуальная» для святогорского монашества. «Отсутствие молодых монахов в Свято-Пантелеимоновском монастыре и в Андреевском скиту обязано тому обстоятельству, что Священный Кинот и греческое, правительство не допускают на Афон русских монахов из страха перед проникновением коммунистического влияния» (профессор Константин Каварнос).

Любопытно, что и сегодня спустя много лет враги православия не оставляют надежд сделать из Афона туристический центр, чтобы под предлогом «общий пользы», нанести удар православию. Темные силы неизобретательны, но упорны.

Следующим естественным этапом борьбы с монашескими обителями после экспроприации недвижимости стал запрет на вывоз любых изделий монашеского труда: икон, облачений, иконостасов, богослужебных книг. Обедневшие обители могли бы поддержать себя экономически путем продажи новых изделий или предметов церковной, утвари, книг, облачений, сделанных в недавнее время и ценности не имеющих. Под предлогом охраны памятников старины этот канал был перекрыт в 1938 году. Тогда был запрещен вывоз книг и других предметов имеющих только рыночную стоимость. Особенно варварским это постановление оказалось в отношении книг. Как известно, не только Пантелеимонов монастырь, но и другие русские афонские обители: Андреевский скит, кельи святителя Иоанна Златоуста и Благовещенская Хиландарского монастыря, да практически каждая большая русская келья, издавали в предреволюционный период множество литературы для просвещения русского народа. Тут и труды святителя Феофана Затворника, разнообразные акафисты, посмертные вещания преп. Нила Мироточивого, духовные журналы. И вот эти-то книги на русском языке было запрещено вывозить с Афона.

---

¹¹⁴ См. статью «Два брата с неблагозвучной фамилией».

Нетрудно понять, в состоянии какого духовного голода находилась русская эмиграция, лишенная всего: Родины, средств к существованию и культурного наследия. Особенный недостаток ощущался в богослужебных книгах. За попытку вывоза подобных книг можно было угодить в греческую тюрьму. Но что означала эта ревность к «старине»? Что происходило с книгами на Афоне? «В русских монастырях имеется масса богослужебных книг. Для их посылки за пределы Афона надо выполнить много формальностей. Книги, изданные раньше определенного года, невозможно вообще выслать. Формальности объясняются будто бы сохранением старинных книг... При теперешнем положении книги эти лежат без употребления, пропадают и часто встречаются в магазинах, как оберточный материал», писал в 1965 году Н.Панаиоти в книге «Святая гора Афон и славяне». Когда автор посетил в 2002 году одну заброшенную русскую келью, то был поражен видом русских книг, разбросанных на полу храма и слившихся в единой полусгнившей массе. Тех, кто уезжает с Афона, всегда встречает таможенник, проверяющий вещи паломников. Беда, если кто-нибудь постарается вывезти подобную книгу, – общение с полицией ему обеспечено. Прошли года, а ситуация мало изменилась. В некоторых кельях мне приходилось видеть целые сундуки набитые старыми русскими книгами, которые вполне могли бы пополнить фонды РГБ или исторической библиотеки. Греческим монахам они не нужны, но и девать их некуда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.